

Александр Режабек

Проще убить, чем...

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Режабек
Проще убить, чем...

«Автор»

2018

Режабек А. Е.

Проще убить, чем... / А. Е. Режабек — «Автор», 2018

Вряд ли кто из здравомыслящих людей сомневается, что субъектам, совершающим так называемые «резонансные» убийства, покровительствуют сильные мира сего. Поэтому те - неуловимы. Ну, а тривиальные случаи из жизни (смерти) заурядных личностей? Тысячи сочинителей детективов изобретают миллионы изощренных способов изобличения душегубов. Настоящим же убийцам не слишком сложно отвести от себя внимание реальных «стражей порядка». В этом уверен автор книги. Тем более что, как сказано в конце последней повести, «умерли три обыкновенных человека, по-своему хороших, по-своему плохих, и никому до этого не было никакого дела». Содержит нецензурную брань.

© Режабек А. Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Волчара	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Периодическое появление трупов и бесследные исчезновения людей... не были редкостью.

А. В. Смирнов «Дары волшебства»

Волчара

Я знал, что уже пора вставать, но это ужасно не хотелось делать. Рядом лежала Машка, как всегда, разметавшись во сне и вытеснив меня почти полностью с моей половины. Я легонько поцеловал ее в плечо. В эти утренние минуты она выглядела особенно соблазнительной, хотя злилась, когда я начинал к ней приставать. Я нехотя встал и пошел в ванную, где побрился и почистил зубы. Это повышало мой шанс исполнить с Машенцией некий старинный, почитаемый многими, обряд единения мужского и женского начал. Та уже не спала и подозрительно на меня поглядывала. Взгляд моих голодных глаз очевидно ничего хорошего не предвещал.

– Можешь губы не раскатывать, – решительно сказала она. – Я не хочу, и вообще еще не умылась.

Чтобы понять сказанное женщиной, никогда не нужно воспринимать буквально то, что она говорит. Если бы она просто сказала «не хочу» – это, скорее всего, и было бы «не хочу и не буду». Но добавление, что она еще не умытая, полностью меняло смысл фразы. «Солнышко, – про себя мурлыкнул я, – ты не отказываешь, а просто хочешь привести себя в порядок и вкусно пахнуть».

И я театральным жестом показал ей на дверь ванной.

– Прошу вас, мадемуазель.

Но вместо того, чтобы пойти туда, она включила телевизор.

– А ящик-то нам зачем? – удивился я.

Машка обиженно на меня посмотрела.

– Ты что, забыл, что я снялась для рекламы? Меня вот-вот должны показать перед новостями.

Я действительно забыл. Машка была начинающей актриской, и ей было жизненно необходимо стать узнаваемой. Она хваталась за все, включая рекламу. Я терпеливо сел и внимательно, как на старого друга, встреченного после долгих лет разлуки, уставился на экран. И в самом деле, после нескольких совершенно бредовых роликов появилась моя Машка. На фоне игрушечного псевдодеревенского домика в окружении таких же игрушечных детей она рекламировала какой-то сок. Самый-пресамый натуральный в мире. Я как-то запивал им водку. Гадость, пахнущая канцелярским клеем.

– Ну как? – строго на меня глядя, спросила Машка. – И не вздумай говорить, что это не Станиславский и даже не Тарантино. Это просто кусок хлеба.

– Чудесно, – довольно искренне ответил я. – Особенно в сравнении с другими. Ты без сомнения удалась. Режиссер оказался на высоте. Какой полет фантазии. Он одел тебя в короткое расклешенное платье альпийской гретхен и вместе с одетыми, как маленькие гансики, детьми впихнул в антураж русской деревни. Особенно, к моему и, полагаю, зрительскому удовольствию, ему удалось твои стройные ножки, которые соблазнительно мелькали, открываясь то пониже, то повыше.

Машка засмеялась.

– Ты просто сексуальная скотина.

Дальше пошел бессмысленный текст, но в итоге, несмотря на утренний просмотр рекламы, утро оказалось прожитым не зря.

На работе же была обычная заморочка. Подписи, звонки, эсэмэски. Директора, Тимура Арсеньевича, как обычно, не было, и отдуваться пришлось мне, его первому заместителю. Но своей работой в целом я был доволен. Меня и моих коллег, как догадался бы любой дурак, за глаза прозвали «Тимур и его команда», хотя мои отношения с боссом были достаточно сложны.

Он ценил меня за деловые качества, но всегда сдерживал в попытках проявить излишнюю самостоятельность.

Сам он – из бывших партийных номенклатурщиков. А те всегда умели есть из всех кормушек. Среди них Тимурчик относился к умеренным, наверное, потому что был умным. Он без сомнения был конформистом и, когда надо, дружил с необходимыми, пусть не всегда приятными людьми. А главное, у него было существенное преимущество: на откровенную подлость босс способен не был. Поэтому наша фирма со всеми сохраняла хорошие отношения, и нам не грозили ни прокуратура, ни бандитские наезды. У Тимура были неплохо налажены связи и с бандюками, и со слугами народа. Хотя этими связями он пользовался только в крайнем случае. И не без причин. Во-первых, обязываться Тимур не любил. Во-вторых, он был до смешного честен в делах. И, в-третьих, ему это не надо было. Босс был старомоден. Не упуская явной выгоды, он не стремился к обогащению и власти любой ценой. У него, слава богу, было более чем предостаточно денег, но он не строил себе дворцы а-ля арабский шейх, не ездил на самых дорогих иномарках и в строгости держал своих взрослых детей, не давая тем транжирить папины деньги. В общем, он был в какой-то степени атавизм, хотя такими, наверное, и надо было бы быть всем нам. И, наконец, мой босс в деловом отношении гениально устроился. Имея приличные доходы, он оставался только директором, а не хозяином. И в проблемных случаях любил делать вид, что он человек маленький. Руководимая им компания была не самой большой частью огромного объединения, принадлежавшего господину Кагановскому, олигарху, который весьма ценил честность и умеренность Тимура.

Я – другой. Мне нравится разумный риск. Я уверен, что человек имеет право насладиться жизнью до того, как состарится и превратится в того же Тимура. Но приходилось себя сдерживать и подлаживаться под непосредственного начальника. Тот же, надо отдать должное, старался прислушиваться ко мне, но, так сказать, в определенных рамках. Сочетал политику кнута и пряника. То рекомендовал остудить голову, то оставлял на меня руководство компанией и говорил, что у него нет лучшего преемника. Ему, кстати, было 57, а мне 37, и как-то на каком-то рауте он сказал, что через пару-тройку лет на все плюнет и начнет с женой разводить цветы. Что ж, вероятно, имело смысл подождать.

Но мне, обыкновенному человеку, хотелось большего. Я был уверен, что Тимур меня все-таки недооценивает. Он и представить не мог, от какого количества выгодных, хотя и немного рискованных предложений мне приходилось из-за него отказываться. Я уж не говорю о соблазнительных и таинственных конвертиках, которые я всегда отвергал. Хотя я не ангел и с удовольствием отправился бы в круиз по Средиземному морю, оплаченный кем-то за оказанную мной услугу. Мне это не кажется нечестным. Просто необходимо соблюдать меру. Но, возможно, я так думаю потому, что до последнего времени мне не предлагали действительно крупную взятку.

И вот теперь это случилось. Я должен был всего-то посодействовать тому, чтобы фирма вложила деньги в строительство междугородного скоростного шоссе по типу немецких автобанов с перспективой дохода от эксплуатации самой дороги и сопутствующей ей инфраструктуры.

Такое предложение бывает, может, раз в жизни, но меня смущала настойчивость обратившихся ко мне бизнесменов, представлявших некую фирму «Сибирские дороги». Хотя те объяснили ситуацию просто и логично. А может, даже и правдиво. Это была, так сказать, история очень «нашенская».

Решили как-то большие, высоко сидящие дядечки ударить в который раз по бездорожью в стране и в связи с этим строго погрозили местным властям пальчиком. Давайте, мол, стройте. Но пилюльку все-таки подсластили и пообещали частичное базисное финансирование из средств госбюджета. Засуетились местные начальнички, надо ведь указивку выполнять.

Только сверху не объяснили, куда дороги-то прокладывать. Страна вон какая большая. И куда ни плюнь, везде одно и то же, и всем дороги нужны. А их-то родимых, да еще и хороших, как раз и нет, разве что единичные и не шибко длинные. И все правительственные. Вот тогда-то один из молодых да ранних губернаторов возьми и брякни на каком-то совете. А давайте соединим дорогой наши сибирские Уганск и Нежинск. А между ними на минуточку девятьсот километров. Идея вовсе не была глупой. Оба города бурно развивались, а железнодорожники давно уже не справлялись. Обрадовались все, засуетились. Начали совещания собирать, проводить консультации и экспертизы. И дело было совсем на мази, как вдруг вышел какой-то госчин от больших дядечек и сказал:

– Знаете, ребята, а из федерального бюджета денег вам не обломится. Самим мало. Так что объявляйте конкурс. Может, кто и согласится.

Это все, конечно, шуточки, но смысл был приблизительно такой. Поначалу эти «Сибирские дороги» из Нежинска ухватились за эту идею. Но достаточного количества денег у них не оказалось. Они было наивно подумали, что под такой проект им любая компания сколько надо отстегнет, да не тут-то было. Никто без гарантий господдержки в проект, существующий только на бумаге, деньги вкладывать не хотел. Вот они в итоге и обратились к нам.

Я, как принято, мило с ними пообщался, угостил кофе и попросил оставить документацию. Бумажки выглядели достаточно убедительно, но я и не ожидал ничего другого. В наше время слепить правдоподобный документ может любой старшеклассник с компьютером, а более серьезные ксивы просто можно купить. Поэтому, следуя обычной процедуре, я позвонил нашим пинкертонам. Мы давно работали с небольшим сыскным агентством, которое оказывало нам услуги по проверке надежности и платежеспособности партнеров. Правда, и драли они с нас за это немало.

Но, на удивление, все было чисто и законно. И даже начальный весомый капитал у них был. Я показал документы и результаты проверки Тимуру. Тот неопределенно хмыкнул.

– Это ведь не совсем наш профиль, Родион... Хотя деньги – деньги и есть. А сколько они просят?

– Говорят, что с учетом того, что есть, им, как минимум, нужны еще три миллиона, – ответил я.

Тимур задумался.

– Выглядит красиво, но что-то здесь не так. Я мало что понимаю в строительстве, но, по моему, в таких случаях должна проводиться какая-то инженерно-геодезическая экспертиза. Или что-то в этом роде. Ты ее результаты видел?

Я пожал плечами.

– Еще нет. Я занимался в основном финансовой и юридической документацией.

Тимур согласно кивнул.

– Я так и думал. Так вот. Попроси-ка ты у своих новых друзей результаты этой экспертизы и организуй, чтобы их проверил независимый специалист.

Это было новой головной болью, но специалиста я нашел. А через неделю пришел письменный ответ. И он меня удивил. Оказалось, что вдоль тамошней реки Ужа, а это почти двести километров, вести дорогу, как предполагалось по плану, очень сложно и дорого. У меня возник законный вопрос, почему сибиряки выбрали именно этот, а не другой, более удобный путь. Ведь наверняка они не хуже нашего знали особенности своей геодезии и географии. И почему сунулись именно к нам, зная, что это не совсем по нашей части? На что рассчитывали?

И как раз в тот день я получил ответ на свой вопрос. Раздался телефонный звонок, незнакомый голос, представившийся Виктором Юрьевичем из «Сибирских дорог», предложил встретиться и обсудить наши общие дела во время обеденного перерыва в небольшом кафе неподалеку.

За маленьким столиком на двоих сидел незнакомый мужчина. Я говорю незнакомый потому, что он не был тогда у меня на приеме вместе с остальными. Хотя по виду можно было допустить, что он-то как раз и является начальником.

– Родион Николаевич! – обратился он ко мне. – Вы познакомились с документацией?

Я чуть замялся. Виктор Юрьевич спокойно и выжидательно на меня смотрел.

– Видите ли, – начал я, – ваш проект выглядит замечательно и юридически оформлен безукоризненно, но есть маленькое «но».

– И в чем же оно заключается? – также невозмутимо спросил Виктор Юрьевич.

Я сделал сочувствующее лицо.

– Как вы понимаете, мы проверили все ваши документы. И вот акт инженерно-геодезической экспертизы вызвал некоторые вопросы. А вы, в чем я не сомневаюсь, прекрасно понимаете значимость этого документа. Так вот, его результаты с очевидностью говорят, что стоимость строительства может выйти далеко за рамки представленного вами бизнес-плана. При таких условиях наша компания не готова включиться в финансирование.

Виктор Юрьевич откинулся на стуле и положил ногу на ногу.

– И что, по вашему мнению, необходимо, чтобы ваша фирма все-таки заинтересовалась?

Я пожал плечами. Для меня моя миссия была уже закончена. Осталось только доложить Тимуру. Но игру еще следовало доиграть, и я чуть нетерпеливо махнул рукой.

– Представьте новый бизнес-план. И вообще решайте сами. Может, дорогу нужно проложить в другом месте. Или еще что-то. Но, как вы понимаете, это все выходит за рамки моей компетенции.

– Вы пьете коньяк? – неожиданно спросил Виктор Юрьевич.

Я удивился неожиданному вопросу.

А мой собеседник продолжил:

– Давайте выпьем по рюмочке перед тем, как расстанемся.

«Что ему надо?» – недоумевал я, но старался не показывать вида. А Виктор Юрьевич все так же невозмутимо и молча отхлебнул принесенный коньяк, а затем неожиданно спросил:

– Родион Николаевич! Полмиллиона баксов наличными в ваших руках могли бы повлиять на позицию фирмы?

Я сделал усилие, чтобы удержать глаза, пытавшиеся вывалиться наружу, а Виктор Юрьевич продолжал:

– Мне кажется, что вы с вашим опытом и нашей помощью могли бы спокойно открыть собственное дело.

Я не знал, что ответить. Полмиллиона – это большие деньги.

Виктор Юрьевич понимающе на меня посмотрел.

– Родион Николаевич! От вас никто не требует немедленного ответа. Подумайте. Деньги вы можете распределить по номерным счетам. Так о них никто не узнает. А само строительство начнется и будет вестись какое-то время по всем правилам и законам. У вас будет достаточно времени на перегруппировку сил. Другими словами, успеете, если не дурак, замести следы.

Я решительно встал. И от того, что собирался сделать, так собой гордился, что казалось, будто на меня все смотрят.

– Виктор Юрьевич! Мне было очень интересно с вами общаться, но я вынужден ответить на ваше предложение категорическим отказом.

Сибиряк иронично, но беззвучно зааплодировал.

– Дорогой Родион Николаевич! Я прекрасно понимаю ваши мысли и ценю вашу порядочность, но при этом все же призываю не торопиться со скоропалительными решениями.

Я неопределенно пожал плечами.

– Не рассчитывайте, Виктор Юрьевич, что я изменю свой ответ. – Я помолчал, но любопытство все же взяло верх. – Но, если мы уже закончили с этой темой и болтаем просто так, то

мне, как бизнесмену, ужасно хотелось бы знать, что бы вы стали делать, если б я согласился. Ведь, судя по масштабам проекта, даже и этих трех миллионов фирмы не хватило бы, чтобы его поднять.

Сибиряк засмеялся.

– Говорите, болтаем просто так... Забавно... Я не обязан это делать, но скажу. И даже не по секрету. Секрета в нашем плане нет, потому что все давно придумано до нас. Нужно только уметь вовремя воспользоваться опытом предшественников. Конечно же, денег вашей фирмы недостаточно. Но вы не учли маленькую деталь. Ваша контора является частью могущественного королевства, принадлежащего одному влиятельному человеку. А это в бизнесе значит многое. Поэтому, когда мои друзья обратятся с этим же проектом и аналогичным предложением в другие фирмы, те, вероятнее всего, захотят поучаствовать, узнав, что в дело вовлечен такой известный человек как Кагановский. И тогда капитал «Сибирских дорог» значительно возрастет.

– А дальше? – не скрывая любопытства, спросил я.

Виктор Юрьевич снова засмеялся.

– А дальше нужно читать Ильфа и Петрова. Контора «Рога и копыта». Зицпредседатель Фунт пойдет в кутузку, а мы пропадем с деньгами в болотах Ужи.

Он сделал паузу.

– А знаете, Родион, я вам все-таки перезвоню.

Уже уходя, я обернулся.

– Виктор Юрьевич! А вы не боитесь быть столь откровенным?

Он еще раз оценивающе, как женщина соперницу, оглядел меня.

– Родион Николаевич! Мы же с вами неглупые деловые люди. Мне, что, нужно бояться, что вы кому-то расскажете о нашем разговоре? Да на здоровье. Вы в бизнесе не первый год. Человек, трубящий о том, что не взял взятку, автоматически попадает под подозрение как потенциальный мздоимец. Естественно, в лицо вас похвалят, а за спиной подумают, что вы не взяли не потому, что такой честный, а потому, что не сторговались. Не забывайте, что из принципиальных соображений за всеобщую справедливость борются только дураки. Мы же боремся сами за себя. Принимаете вы мое предложение или нет – это наше с вами личное дело. Поэтому расслабьтесь и живите спокойно.

Он замолчал и на прощание махнул мне рукой.

С Машкой я был знаком уже больше двух лет. Я помню, как первый раз увидел ее по дороге на деловое свидание из окна своей машины. Она с видом победительницы, присущим красивым женщинам, стояла у края тротуара в центре Москвы и голосовала. В ту пору я еще не получил желанную должность первого зама и активно барахтался в надежде на повышение. Но хотя у меня в тот день почти и не было свободного времени, ради этой девушки я рискнул изменить планы. В связи с этим накрылся медным тазом мой обеденный перерыв.

Я притормозил рядом с ней. Она привычно для тремпистов распахнула дверцу машины и одновременно строго, чтобы я ничего такого не подумал, и вежливо-приветливо спросила:

– Подвезете на Алтуфьевское?

Вот уж куда мне было совсем не с руки, так это туда, но я деланно равнодушно кивнул. Девушка стоила того, чтобы проявить к ней внимание.

– За сколько поедем? – задала она традиционный вопрос.

Я, не глядя на нее, пожал плечами.

– Не беспокойтесь. Не ограблю.

Девушка насторожилась. Она все-таки не была наивной дурой. Наверняка в ее сумочке лежало какое-нибудь дурацкое средство типа газового пистолета.

– Я привыкла договариваться заранее, – безапелляционно проговорила она.

Я оцениваю, как клиентку, а не женщину оглядел ее. На сколько же она может потянуть?

– Пятьсот? – как бы колеблясь спросил я, хотя меня интересовали не ее деньги, а она сама.

На ее хорошеньком личике отчетливо отпечаталась траектория крутящихся в голове шариков, но она кивнула.

Наступил второй этап встречи. Дорога. Я, спортивного вида молодой человек, вез в хорошей иномарке миленькое создание женского пола. А оно сидело рядом со мной и в соответствии с законами жанра не без опаски выжидало. Я ведь просто обязан был обратить на нее, такую красивую, внимание и попытаться познакомиться. И она соображала, как меня лучше отшить. Но я молча рулил, сосредоточившись на дороге. До ее Тмутаракани с пробками в это время дня было не меньше часа с лишним езды. У меня было достаточно времени для того, чтобы попутчица начала разочаровываться в своих ожиданиях, и у нее разгорелось любопытство, что же за бесчувственный чурбан сидит рядом с ней. Минут через десять, чтобы разрушить завесу молчания, она спросила, можно ли ей курить. Я, не поворачиваясь, кивнул. Она достала пачку ментоловых сигарет «Vogue» и прикурила. Скорее всего, она не была курильщицей, а держала сигареты так, для понта. Она просто набирала в рот и выпускала дым, хотя делала это не без изящества.

Мы проехали еще минут двадцать. Она, видимо, начала терять надежду, что я, как другие молодые мужчины, проявлю к ней хоть толику интереса. А я ее в этом не разубеждал.

И моя попутчица в конце концов сдалась, решив, что я, очевидно, отношусь просто к калымщикам на дорогах, и тачка, может, вообще не моя. Она полностью от меня абстрагировалась и стала с обиженно-равнодушным видом красить ногти и наводить марафет, как будто я вообще для нее не существовал. Разве что прокладки не стала менять.

«Интересно, к кому на Алтуфьевском шоссе ты такая едешь?» – подумал я.

В конце концов, мы добрались до места. Это был неплохой семнадцатизэтажный дом с зеленым двориком. Она протянула мне купюру. Та была единственной в ее кошельке.

– Не надо, оставьте, – сказал я, отстранив ее руку. – Считайте, что у меня сегодня день благотворительности.

Девушка удивленно на меня посмотрела.

Я перегнулся через ее сиденье, слегка коснувшись девушки плечом. Она отпрянула, но я лишь распахнул ей дверцу и произнес:

– Прошу.

Та замешкалась и, продолжая сомневаться в моем бескорыстии, буркнула:

– Не привыкла я так. Как-то это странно.

Но прежде, чем она успела выскочить, я, как бы преодолевая колебания, протянул:

– Ну, если вы не верите в добрых самаритян, можете оставить мне номер телефона. Буду рад услышать ваш голос.

– Но ведь вы за всю дорогу даже не взглянули на меня, – не удержалась девушка.

– Взглянул. И оценил, – сказал я и рассмеялся. Я знал, мой смех нравится людям, и часто им пользовался, налаживая отношения. Попутчица не удержалась и засмеялась в ответ.

Телефон я получил.

Потихоньку она довольно плотно вошла в мою жизнь, вытеснив остальных подружек. Я, тем не менее, продолжал время от времени от нее погуливать, то ли боясь чересчур привязаться, то ли просто из мужской вредности. И каждый раз уговаривал себя, что имею на это полное право, так как никаких обязательств верности не давал. Естественно, иногда я попадался, и тогда она устраивала скандал, лезла драться, царапалась, а потом собирала манатки и уходила на свою съемную квартиру, которую делила на паях с подружкой. Проходило какое-то

время, и мне начинало ее не хватать. Я шел на поклон, затоварившись цветами и подарками. Я почти искренне клялся, что больше не буду, и она через какое-то время остывала. И наша жизнь до следующего раза возвращалась на круги своя.

Сама она была из Курска, хотя родилась и выросла в Виннице. Ее отец был какой-то железнодорожный начальник, которого как-то с повышением перевели в другой город, а вскоре родная Винница осталась за границей в самостийной Украине.

У Машки была типичная украинская фамилия Пономаренко. Когда я впервые это узнал, то, не имея ничего плохого в виду, а только желая польстить, брякнул:

– Я всегда знал, что хохлушки – самые красивые бабы на свете.

В ответ Машка только передернула плечами.

– Еврейки тоже.

Я удивился, а она объяснила.

– Мой отец – украинец, а мама – еврейка.

Мне ее национальные корни были до фонаря, но тут вдруг черт дернул пошутить, и я ляпнул:

– Интересно, как же мне определить твою национальность. Выбирай, что больше нравится. Жидохохлушка или хохложидовка?

Машка ужасно обиделась. Она оказалась чрезвычайно чувствительной к национальным вопросам и переживала за эти обе суматошные нации. И те, и другие казались ей в чем-то незаслуженно обделенными и обиженными. А мне было ужасно смешно и любопытно, как ее еврейская половина переживает за «притесняемых» украинцев, любивших в свое время развлечься еврейскими погромами.

Национализм – это не про меня. Хотя я был коренной, до «надцатого» колена русский. И если бы у нас в стране было нечто вроде третьего рейха, то с гордостью мог бы хвастаться своей «арийской» родословной. Жаль, что не рискнул показать ей фотографию покойного деда. Его считали колдуном, и все, включая меня, ужасно боялись, так как он был не только страшен с виду, но и выглядел как типичный татаро-монгол. Мои же родители, наверно, были единственными настоящими интернационалистами на планете. Никогда от них не слышал, чтобы какая-то проблема повседневного быта связывалась с национальной принадлежностью человека. Конечно, я знал, что есть турки, индийцы, узбеки, таинственные самоеды, но для меня это были просто слова, что-то вроде человеческих имен. И с этой иллюзией межнациональной терпимости я дожил до самой школы. А там подружился с Яшкой Хейфецом. Классный был парень. Умница и большой юморист. Мы с ним в соответствии с потребностями нашего возраста и к вящему удовольствию одноклассников легонько похулиганивали, доставляя умеренные хлопоты нашим учителям. Но вот однажды Яшка отозвал меня в сторонку. Я подумал, что он снова что-нибудь затевает, а тот, видимо, решив, что я достаточно проверенный человек, по большому секрету признался:

– Родька! У меня в свидетельстве записано по-другому, но тебе скажу. Ты знаешь, я – еврей.

Честно говоря, я не очень-то понял из-за чего весь сыр-бор. Какое свидетельство? И в чем тут тайна?

Но на всякий случай сделал умное лицо.

А вскоре случилась *та* история. Я случайно в углу школьного двора натолкнулся на Яшку, которого с шипением «получай, жидовская морда» лупили трое парней постарше. Я, естественно, влез. Нам, пацанам, всего-то было лет по десять, но дрались мы не по-детски. Одному из нападавших я палкой раскроил голову, и тому пришлось накладывать швы. В общем, в результате прилично досталось всем.

История наделала много шума. Возник скандал, вышедший за пределы школы. Нас с Яшкой уже совсем собрались исключать, но умный, занимающий немаленький пост Яшкин папа пошел к директору и спокойно так тому сказал, что возникшая в его епархии драка не просто хулиганство, а результат разжигаемой в школе межнациональной розни, о чем необходимо поставить в известность вышестоящие организации. И дело быстро заглохло. Но Яшку родители из школы все-таки забрали.

Вот так на примере антисемитизма я впервые в жизни получил урок многогранности и непредсказуемости интернациональной дружбы. И, еще будучи совсем мальчишкой, сообразил, что ксенофобия очень удобна для манипуляции людьми.

Но, закрывая эту тему, готов присягнуть, что я так и остался одним из последних могокан-интернационалистов. Никакой «гондурас» меня не беспокоил, а Машка, увидев, что я не брезгую ни салом, ни мацой, успокоилась.

Я уже говорил, что этот более чем двухгодичный роман оказался в моей биографии одним из самых длинных. Мне с Машкой было хорошо. Она готовила обалденные вареники. Была красива и неглупа. И я ужасно скучал, когда мы ссорились, а она демонстративно уходила. Машка однозначно была женщиной, которая устраивала меня почти со всех сторон. Но она вряд ли догадывалась, что это только до тех пор, пока она не покушается на мою свободу.

Иногда я все-таки подумывал, а не жениться ли мне на ней. И, посчитав все за и против, каждый раз приходил к выводу, что не стоит. Меня в ней смущала ее провинциальная нахрапистость и целеустремленность. Да и актерская карьера, как я полагаю, для нее была приоритетом приоритетов. А мне вовсе не хотелось быть мужиком при примадонне и, как говорится, греться в лучах ее славы. Мы и сами с усами. Ни от Машки, ни от себя самого я никогда не скрывал, что главное, что я делаю в жизни, это тоже карьера, но моя. Ради нее, родимой, я горбился на работе и терпел вещи, которые вовсе не хотел бы терпеть. Я хотел быть боссом. И прекрасно понимал, что боссу желательно быть семейным. А для этого нужно жениться на *нужной* женщине. Станет ли такой Машка, я сомневался.

В тот вечер мы с ней поссорились. Перед этим у меня был непростой разговор с Тимуром. Он не забыл историю с «Сибирскими дорогами» и интересовался, что удалось выяснить. А я еще не был готов к разговору. И все из-за того, что недавняя беседа с Виктором Юрьевичем в кафе сильно выбила меня из колеи.

Босс, как назло, в этот день был раздражен и нетерпелив. У него разболелась жена. Снова подскочило давление. Но жены женами, а фирма – это бизнес. И надо было заниматься делом. И хотя моя точка зрения играла немалую роль, окончательное решение такого уровня могло принадлежать только Тимурю. А я не захотел облегчать ему жизнь. Не вникая в детали, я лишь объяснил, что на определенном довольно длинном участке трассы, скорее всего, возникнут проблемы, решение которых потребует дополнительных капиталовложений. И, по-видимому, не маленьких.

Тимур состроил гримасу.

– Мне еще не встречался проект, – с видом знатока произнес он, – затраты по которому соответствовали бы бизнес-плану. Вопрос в том, насколько превышение сметы приемлемо нам. И как это повлияет на конечную выгоду.

Я помолчал, выбирая ответ понейтральнее. Зная босса, я предоставил ему вырывать самому, так как догадывался, какое он примет решение.

– У меня, – сказал я, – не было достаточно времени для более подробного изучения ситуации, и, боюсь, что даже при его наличии не настолько компетентен, чтобы разобраться во всех нюансах.

Босс приподнял брови.

– Что это ты вдруг заскромничал? Насколько я тебя знаю, тебя скорее нужно притормаживать, чем подталкивать.

Тимур встал и заходил по кабинету.

– Ладно. Сделаем так. Все-таки, как ни крути, проект выглядит привлекательно и сулит хорошие прибыли. В противном случае я бы давно от него отказался. Но поскольку остаются сомнения, посоветуемся с вышестоящим начальством и представим дело Науму Яковлевичу (так звали Олигарха). Он послезавтра должен быть у нас. И, чтоб ты, скромник, знал, представлять проект мы будем вместе. Ты и я. Пора тебе, Родик, начать сокращать дистанцию между тобой и Нёмой.

Понятно, что после этого разговора я не был расположен слушать Машкин рассказ о каком-то Леше, который по секрету сказал, что ее, скорее всего, утвердят на вторую главную женскую роль в новом сериале. Какое-то время у меня хватало терпения делать вид, что я слушаю, и кивать, но, в конце концов, в очередной раз услышав, что там будет сниматься даже Меньшиков, не выдержал.

– Фильм-то о чем будет? – ехидно спросил я. – Представляю... Он, крутой, но добрый сердцем мафиозо, был послан с заданием убить нехорошего крестного отца-конкурента. Но собранные разведданные о местонахождении последнего оказались неточны. Тот был не один. Его окружали телохранителями и гости благотворительной вечеринки, посвященной празднику урожая в Угадугу, столице Буркина-Фасо. Но герой не растерялся, он был умен и храбр. И справился со всеми. Но на красавицу-дочь убитого рука не поднялась. А поднялось другое. И она осталась единственной свидетельницей. И все было бы хорошо. Но, на беду, у героя была подруга, которая терпеливо ждала, пока он, укокошив, наконец, достаточно народа, не заработает деньги, чтобы хватило на домик на Кипре. Машка! – проорал я. – Наверно, эту роль должна будешь сыграть ты... Слушай теперь продолжение. Первая подруга не может смириться с появлением соперницы. Тем более, что Кипр, кажется, вот-вот должен был ей улыбнуться. И она на протяжении всех восемнадцати серий пытается отомстить и подсылает убийц к несчастной девушке, которую герой самоотверженно защищает и, чтобы не растерять навыки, рубит киллеров в капусту. Но его доброе сердце при этом продолжает обливаться кровью. Ведь жизнь любимой остается в опасности. А потом выяснится, что она и прежняя подруга героя выросли в одном детдоме и вообще разлученные сестры. Оказывается, от вас в незапамятные времена отказалась гражданская жена вора в законе, которому удалось достать только два билета в Нью-Йорк и паспорта, оформленные на бездетную пару, уезжающую на искусственное оплодотворение.

Машка стукнула меня диванной подушкой и ушла на кухню, а я злорадно продолжал орать ей вслед.

– Нет. Наверно, это будет намного более серьезный фильм. Представь. Герои жили вместе долго и счастливо, но пришла беда. Он попал в аварию и сломал ногу. Нога постепенно зажила, и он снова начал ходить, но это была только видимость благополучного завершения его мытарств. Он никому не рассказывал о своей тайне. Эта нога была опорной и категорически необходима для исполнения супружеских обязанностей, иначе не на что было опираться. А теперь она перестала действовать как надо. Он продолжал надеяться на чудо, но оно не происходило. Он пробовал и так, и эдак. Но все было не то. Жена принесла ему «виагру», но та не действовала на его ногу. Все попытки казались тщетными. Тогда жена решила, что все дело в ней, и с другой женщиной он воспрянет и вернется к прежней жизни. И она попросила помощи у своей подруги, которую будешь играть ты, Машка, чтобы та соблазнила героя. Но и твои прелести не изменили ситуацию. И тогда у жены героя опустились руки. Она начала пить и деградировать. И вот однажды в какой-то подворотне ее совсем уже спившаяся собутыльница,

услышав эту историю, уверенно сказала, что героя, скорее всего, просто сглазили. И это сделал, наверняка, кто-то из близких друзей. То есть ты, Машка.

На кухне послышался грохот. Видно, Машка кокнула что-нибудь. Это на нее похоже. А через секунду она фурией ворвалась в комнату.

– Ты гадкий, ползучий, подлый гой-москаль. Чтоб тебе самому в аварию попасть. И чтоб тебе поотрывало твои причиндалы.

Это, наверно, нехорошо, но я развлекался, глядя на нее, когда она сердилась.

– А скучать по причиндалам не будешь? – серьезно спросил я.

Машка вдруг непривычно строго на меня взглянула.

– А что мне скучать? Они свое дело уже сделали.

Я сразу посерьезнел.

– Что ты имеешь в виду?

Машка нелегко вздохнула и села.

– А то и в виду. Залетела я случайно. Ты ведь проходил в школе, от чего дети рождаются.

Мне сегодня этого как раз и не хватало. И я совершенно не знал, как себя вести. Единственное, в чем я был уверен, что наиболее оптимальным вариантом была бы максимально нейтральная реакция. Ни гнева, ни радости. И то, и другое, как говорится, чревато боком.

– Так что же мы будем делать? – Я намеренно сделал акцент на местоимении «мы».

Машка по-женски снисходительно на меня посмотрела.

– Да не волнуйся ты, дурачок. Это мои проблемы. Не могу ж я к концу сериала сниматься с пузом. Сделаю аборт. Не я первая, не я последняя.

В тот вечер я бы хотел, чтобы она, как всегда, рассердившись, ушла ночевать к себе. Но этого не произошло. Более того, начало ночи мы провели активнее, чем обычно, хотя, залезая под одеяло, я клялся, что просто повернусь на бок и усну. Наконец, мы выдохлись. Машка мягко поцеловала меня в губы и чуть слышно шепнула:

– Родька! Женись на мне.

Я изобразил удивление. Машка несильно хлопнула меня кулачком по лбу.

– Ладно, спи. Проехали. Считай, что я ничего не говорила.

И она от меня отвернулась.

В среду Тимур сообщил, что завтра с утра мы едем в аэропорт встречать Нёму. Я вызвал свою секретаршу Генриетту Карловну. Не стандартную, как у большинства, смазливую мордашку с нахально выпирающей грудью и длинными ногами, а мою милую фрекен Гету. С ней мне было хорошо. Она выглядела как милая, немолодая, но моложавая полноватая тетушка, к которой племянники рвутся на выходные, чтобы поесть вкусные плюшки. Главное, она была деловая донельзя. Мы с ней давно ладили и с удовольствием играли в игру, в которой я изображал безалаберного молодого шалуна, а она строгую, но любящую матрону. Вот она-то и вошла по моему зову в кабинет. Я сказал ей, что мы едем завтра встречать Олигарха, и попросил по возможности выкроить в моем графике пару свободных часов для подготовки к встрече. Генриетта в ответ шутливо растрепала мне волосы.

– Мальчик мой! Не рассказывай сказки пожилой женщине, что ты два часа будешь сидеть сиднем в уединенном, как сортир, месте и думать. Насколько я тебя знаю, чтобы шевелить мозгами, тебе никакое уединение не нужно. И не изображай непонимание. Ты ведь, Родик, ушлый господин, а не тот, за кого себя выдаешь. Признайся старой тете, зачем тебе два часа? Их ведь у меня нет. Но я смогу постараться, если признаешься. Что случилось? Явочная квартира провалена? И тебе нужно спасти рацию?

Я засмеялся и протестующе замахал руками.

– Гета, прекратите. Я не знаю, плакать мне или смеяться над тем, что вы меня изобразили таким двуличным и коварным, но, по правде говоря, ужасно трушу перед завтрашним днем, потому что я не просто группа сопровождения, но лицо, включенное в обсуждение проекта. И то, какое я произведу впечатление, может сыграть в моей карьере немаленькую роль. Мне действительно необходимо от всего отвлечься и хорошенько подумать, что же я буду говорить.

В результате благодаря усилиям Генриетты день прошел спокойно. И только один раз мое сердце екнуло. Звонил Виктор Юрьевич из «Сибирских дорог», а я этого не ожидал.

– Родион Николаевич! Я соскучился по вашему голосу. Как у вас дела?

Я что-то буркнул в ответ.

– Вы чем-то раздражены? – со скрытой насмешкой спросил тот. – Не горюйте, жизнь так прекрасна. – И он перешел на серьезный тон. – Я лишь хотел узнать, остается ли ваше решение в силе?

Его вежливо-насмешливая манера разговаривать действовала мне на нервы, но я не менее вежливо ответил:

– Я, Виктор Юрьевич, остаюсь при своем.

Утро было хмурым. Над головой низко висели грязно-серые тучи. Небо, казалось, было беременно дождем, но никак не могло разродиться. Только время от времени накрапывала какая-то скользкая гадость. В зале «VIP» аэропорта было много народа, похоже, в основном журналистов, и мы с Тимуром даже как будто затерялись. Наконец, прилетел и долгожданный гость. Олигарх всем привычно приветственно безадресно улыбнулся, но интервью давать не стал. Он официально пожал Тимуру и мне руки и поспешил к своей машине.

Однако и у себя в офисе я еще какое-то время просидел в ожидании, пока Генриетта не сообщила, что меня ждут.

В кабинете Тимура повернувшись ко мне бочком, Олигарх выговаривал кому-то по мобильнику. Его голос был буднично скучен, но именно такого сухого тона больше всего и боялись его подчиненные. Я, хотя и был замом директора компании, напрямую с Олигархом практически не общался и впервые слышал, как он устраивает нагоняй. Но старался не прислушиваться. Тимур в это время разливал по бокалам виски. Этот напиток Нёма любил, а мы были рады составить ему компанию.

В углу кабинета я заметил молоденькую худенькую девушку. Наверно, референт какой-нибудь, подумал я. Она показалась мне немного несуразно одетой. Но, приглядевшись, я понял: ее одеяние укладывается в определенный гармоничный и идущий ей стиль. И стоило оно, кажется, недешево. А еще я увидел ее симпатичную глазастую, хотя и чуть стандартную мордашку. Она, не обращая ни на кого, включая самого Олигарха, внимания, читала какую-то книжку. Бог ты мой, она читала Монтеня. А я, по-честному, не то чтобы был большой в нем специалист, но вообще его не читал, хотя все-таки и был не пальцем сделанным. В голове вертелось название какой-то книги. «Опыты», вспомнил, наконец, я. Стараясь не привлечь внимания начальства, я чуть придвинулся к девушке и, не скрываясь от нее, скопил глаза, пытаюсь прочесть название. «Апология Раймунда Сабундского». Ни хрена себе.

– Монтень? – с преувеличенно умным видом поинтересовался я и продолжил отеческим тоном. – Похвально. И знакомо. Как же, как же. «Пособие по компьютерам для начинающих». Читал-с. Хорошая книга.

Девушка подняла на меня глаза, но осталась невозмутимой.

– Вы ошиблись. Это другая книга. «Учебник хорового пения для глухонемых».

Я удивленно вскинул голову.

– Не может быть, чтобы я ошибся. Какая досада. А там хотя бы написано, что меня зовут Родион?

И меня вдруг понесло.

– Знаете, я родился в глухой армянской деревне, а там по традиции любили давать детям имена, происходящие от звучных и непонятных иностранных слов. И настоящее мое имя Аккордеон. В честь музыкального инструмента, который дед притащил в качестве трофея с войны. А затем судьбе было угодно, чтобы моя семья перебралась в Подмоскovie и жила в поселке рядом с аэродромом. А там, знаете ли, все время шум и грохот. То взлеты, то посадки. Поэтому местный народ и стал маленько глуховат. Вот они меня-то по приезду как-то и спросили:

– Парнишка! А звать тебя как?

Я и говорю:

– Аккордеон.

– Как-как?

– Да Аккордеон же.

– А-а, Родион. Понятно. Это по-нашему, – сказали местные. – Значит Родька будешь.

А я даже обиделся. Вовсе я не Родька, если уж на то пошло, а Аккордик. Но так и остался Родионом.

Девушка терпеливо слушала этот бред, но в конце не удержалась и улыбнулась.

В этот момент Олигарх закончил свой разговор, и Тимур немедля к нему обратился:

– Наум Яковлевич! Вы ведь уже знакомы с моим заместителем Родионом Николаевичем.

Он, несмотря на свои молодые годы, уже многое успел сделать для нашей фирмы.

И Тимур, как будто я какой-то манекен, а не человек, указал на меня рукой.

Олигарх в ответ индифферентно посмотрел и кивнул.

– Вы там мне что-то по телефону намекали на дорогу в Сибири. Так давайте, доклады-вайте, – сказал он и снова бросил на меня изучающий взгляд. – Кстати, девушка, с которой вы сейчас пытались заигрывать, молодой человек, моя дочь Нина.

«Вот-те на... Пококетничал», – подумал я. Мне было известно, что у него есть дочь, но кто же знал, что он с собой потащит ее сюда.

Докладывал я по-военному. То есть быстро и четко, но маловразумительно. Я не скрывал проблемы строительства дороги вдоль реки Ужа, но и не вдавался в детали, которые и сам не понимал. Олигарх в раздумьях заходил из угла в угол. Я, кстати, тоже люблю думать расхаживая. А еще я не раз видел, что и Тимурчик грешит тем же. И вдруг представил, как мы все трое расхаживаем по кабинету, как молекулы в броуновском движении, а девушка Нина в это время читает Монтеня. Настоящий театр абсурда.

– Дайте мне карту России, – неожиданно попросил Олигарх.

– Смотрите, – сказал он, ткнув в нее пальцем, – это ваши связанные с рекой Ужой Нежинск и Уганск. И губернатор края там Грищенко. А это – Петрогорск и Кмышев, находящиеся в ведении уже другого губернатора, Эрдмана. Эти два города с географической точки зрения практически параллельны нашим, но только километров на двести южнее.

Мы с Тимуром с умным видом тарасились на карту. Ну и что?

– Вы вряд ли об этом знаете, хотя наверняка до вас доходили слухи, что на федеральном уровне зреет и практически уже созрел проект строительства трансконтинентальной трассы, пересекающей всю страну. Однако полагаю, вам вряд ли известно, что она пройдет через Петрогорск и Кмышев. И строить ее должны начать уже в конце этого года. С двух концов, востока и запада. И, таким образом, через несколько лет она приблизится к этим городам, которые торжественно примут эстафету строительства. – Олигарх помолчал. – Вы можете задаться вопросом, какое это отношение имеет к нам? Может, и никакого... Но, если подумать, мы ведь тоже не лыком шиты и способны, со своей стороны, сделать некий финт ушами. Возьмем и вложим деньги в «Сибирские дороги», чтобы начать строить пока находящуюся вне интересов федералов параллельную трассу через Нежинск и Уганск. Но только уже сейчас, а не потом. А затем через какое-то время заявим, что имеем готовую европейского уровня дорогу, кото-

рую намного проще ассимилировать в федеральный проект, только чуть изменив направление идущих с востока и запада ветвей, чем начинать с нуля трассу Кмышев-Петрогорск. А преимущества включения нас в федеральную дорогу, как я полагаю, вам очевидны. И тогда даже чрезмерные затраты воздадутся нам сторицей. – Олигарх усмехнулся. – Также очевидно и то, что может подняться большой хай.

Наум замолчал, а потом неожиданно подошел к Нине и совершенно не по-олигарховски поцеловал ее в макушку. Похоже, большой папа души не чаял в своей дочке. А та в ответ совершенно по-домашнему, как кошка, потерлась щекой об его руку.

– А что, господа хорошие, по этому поводу мне скажете вы? – обратился он к нам.

Тимур, собираясь с мыслями, слегка замялся.

– Видите ли, Наум Яковлевич! Живи мы в другом государстве, я бы стопроцентно с вами согласился. Но это – Россия. А наша родина все еще, несмотря на уверения, не вошла в стадию спокойной и скучной стабильности европейцев. Поэтому я в делах стремлюсь к осторожности и стараюсь избегать сделок, в которых выгода рассматривается как дальняя перспектива. А пока не вызывает сомнений только одно. Принимая положительное решение, мы в первую очередь вынимаем из своего кармана немаленькие деньги в надежде их вернуть, да и еще заработать. Однако удастся ли нам это сделать, – Тимур развел руки в сторону, – будет решать конъюнктура. И российская, а не какая-либо иная. Я даже не имею в виду финансовую и юридическую стороны. А то, что определяет конечный итог. Другими словами, то, какой губернатор в нужное время окажется повлиятельней и пооборотистей, останется ли федеральная власть достаточно сильной, когда придет другой президент, или, к примеру, в какой степени будут сильны сепаратистские настроения в стране и т. п. Русский человек загадочен. Но только в силу непоследовательности своих решений. А посему, будь это в моей власти, я бы ввязываться в это дело не стал.

Закончив, Тимур облегченно вздохнул и пригубил виски.

– А вы что думаете, молодой человек? – Олигарх обратился ко мне.

Это был момент, которого я ждал.

– Мне сложно выступать после своего начальника, – притворно скромно начал я. – Можно и довыступаться. – Оба начальника улыбнулись. – Но мне, в принципе, совершенно понятна позиция Тимура Арсеньевича. Более того, с большей частью сказанного я совершенно согласен.

– Но, кажется, есть и «но», – не без иронии в голосе вклинился Тимур.

– Да, Тимур Арсеньевич. Не обижайтесь. Может, это просто свойство молодости, но на некоторые вещи я смотрю по-другому. Я верю в перспективу и даже вне связи с общефедеральным проектом не скинул бы полностью со счетов возможность выгоды сделки с «Сибирскими дорогами», даже если построенный автобан останется лишь достопримечательностью местного значения.

– Объяснитесь подробнее, – попросил Олигарх.

Я на мгновение запнулся. Я не готовился произносить длинную речь. Хотя, если не касаться мелочей, говорить о преимуществах проекта было легко. Да и выбора у меня не было. Я уже успел высказать несогласие с мнением Тимура и перекрыл себе путь назад. В итоге полуконспиративом у меня получился целый рекламный ролик по типу бендеровского про Нью-Васюки. Но хорошего качества.

Я посмотрел на Олигарха. Его взгляд был одновременно и насмешлив, и благосклонен.

– Да-а, Тимур, – протянул он. – Похоже сегодня не твой день. Я думаю, фирме настало время поближе познакомиться с «Сибирскими дорогами».

Он сказал еще несколько ничего не значащих нейтральных слов и ушел, забрав с собой свою умненькую и хорошенькую дочурку.

В кабинете повисло молчание. В конце концов, я наигранно бодро вскочил со своего кресла и сказал, что возвращаюсь к себе. Тимур равнодушно пожал плечами.

Я уже был у самой двери, когда он бросил мне в спину:

– Что, молодой и верящий в перспективу Родион? Пытаешься заработать у Наума очки? Ну-ну...

Остаток дня я провел в некотором смятении. Как я и полагал, Тимур вовсе не обрадовался, когда я его не поддержал. Хотя, с другой стороны, никакой общей линии поведения мы с ним не вырабатывали. Видимо, ему мое согласие с ним казалось само собой разумеющимся. Поэтому мне в ближайшее время лучше вести себя с ним осторожнее и деликатнее. Но, как ни странно, мысли о том, что я могу попасть в опалу к Тимуру, не так уж меня и занимали. Вместо этого я вновь и вновь вспоминал тоненькую фигурку девушки, читающей Монтеня. Хотя это и было глупо. Я не забыл, кто ее отец и как он на нее смотрел. И она, наверняка, была его любимицей. Так что мой с ней безобидный треп мог оказаться небезопасным. А мне вовсе не хотелось зарабатывать штрафные очки еще и у самого Олигарха. Я попытался отбросить эти мысли и отвлечься, но вместо этого вспомнил, что дома меня ждет беременная Машка. Как понимаете, это не очень способствовало успокоению моих нервов.

Наконец, день кончился, и настало время сказать «до свидания» Генриетте.

К моему удивлению, первым человеком, которого я увидел, выйдя из здания, была Нина. Мне это показалось странным, но потом я решил, что, видимо, она ждет отца или кого-то из его свиты. Но я удивился еще больше, когда она напрямик направилась ко мне.

– Аккордик! А я уже вас заждалась, – сказала она просто, как будто мы договаривались о свидании.

Мне еще в этот день разве что и не хватало, как попасть на заметку ее охранников. Не такой же я был дурак, чтобы подумать, что дитя Олигарха вот так одна в центре Москвы шляется среди простых смердов.

Она, видимо, что-то прочла на моем лице и чуть скривилась.

– Да не бойтесь вы. Я не кусаюсь.

Нина решительно взяла меня под руку.

– Родион! Если вы не очень заняты, может, прогуляемся? – сказала она, и меня удивили прозвучавшие в ее голосе просительные нотки.

Я не знал, что делать. Никуда я, в принципе, не торопился и в любой другой ситуации с удовольствием прогулялся бы с хорошенькой девушкой. И напросился бы затем стеречь ее сон. Но в данном случае...

Нина видела, что я колеблюсь. В ее глазах появилась смесь обиды и презрения.

– Хотя... Если вы торопитесь... – протянула она.

Я понял, что выгляжу глупо.

– Да что вы, Нина. Я буду рад составить вам компанию. Просто я на самом деле немного занят и прикидывал, сколько могу выкроить времени, не рискуя тем, что ваш папа уволит меня с работы, – соврал я.

Девушка явно обрадовалась.

– Тогда пойдете. Я отпущу вас сразу же, как только скажете, что вам надо идти.

Мы бездумно и молча пошли. Практически сразу я заметил, как из припаркованной «той-оты» вылезли два крепеньких мальчугана и увязались за нами. Я выжидал какое-то время, желая исключить совпадения, но они решительно и практически не скрываясь шли за нами.

– Нина! Вы кого-то еще пригласили на прогулку? – спросил я.

Она недоуменно на меня посмотрела.

– Просто за нами следуют два мускулистых джентльмена, – объяснился я, – и мне надо знать, не идут ли они за вами с целью, скажем, похитить. Я ужасно не люблю, когда меня бьют по голове или в меня тем паче стреляют.

Нина в полголовы обернулась и засмеялась.

– Успокойтесь, трусишка. Вашему здоровью ничего не грозит. Это же Чук и Гек.

Она приветственно помахала им рукой.

«Что-то многовато Гайдара на мою голову, – подумал я. – В офисе Тимур и его команда. Тут Чук и Гек». – Но заинтересованно спросил: – А их родители, что, были поклонниками творчества покойного героя гражданской войны?

Нина снова засмеялась.

– Да нет. Во-первых, имена у них другие, хотя они и братья, во-вторых, это им подходит. А в-третьих, это пошло от начальника охраны, который, как-то разоряясь по поводу их опоздания, разорался на всю контору: «Где же эти чертовы Чук и Гек?» Так и повелось.

Какое-то время мы шли молча. Пауза начала затягиваться, и я полушутливо спросил:

– Смею ли я узнать, куда мы идем, госпожа?

Лицо Нины приняло сердитое выражение.

– Я догадываюсь, что вы думаете. Взбалмошная дочка большого папы. Любой каприз выполняется на месте, а мальчики становятся по стойке «смирно» и бегут за мной по легкому мановению руки.

– Манию руки, – непонятно сказал я, а она удивленно на меня посмотрела. Пришлось объяснять.

– Я, Ниночка, как-то застрял в пробке и от скуки стал разгадывать кроссворд. Все вроде сходилось, кроме одного слова, определяемого как «движение руки». Я и так крутил, и сяк, но не угадал. А ответ оказался – «мание». Полез в словарь. Действительно, есть такой термин, устаревший, но идентичный мановению. Так что я подчинился, и не без удовольствия, не мановению, а манию вашей руки. Между прочим, в сочетании слов «мание руки» есть какая-то магия.

Нина улыбнулась.

– А вы, оказывается, эрудит. Тогда, наверно, вашей эрудиции хватит, чтобы понять, что в моей жизни все не совсем так, как кажется. Я вовсе не балованная девчонка из «золотой молодежи». Мне больше подходит образ будущей старой девы, двадцать четыре часа в сутки живущей под микроскопом и ограниченной в возможностях простого общения с людьми. И мне самой приходится цепляться к молодым людям, потому что надежда, что у них хватит храбрости сделать это самим, мала.

– Думаю, что участь старой девы вам не грозит, – искренне прокомментировал я.

Она невесело засмеялась.

– А вообще, Родион, давайте сменим тему. Покажите мне Москву.

Я недоуменно посмотрел.

– Вы не видели Москву?

Нина усмехнулась.

– Я коренная москвичка и родилась в Марьиной роще. Мы ведь с отцом не всегда были такими, как сейчас. Он работал инженером, а я ходила до тринадцати лет в обычную московскую школу. – Она вдруг скакнула на другое. – Вы, кстати, Родион, наверно, наивно думаете, что ваш сегодняшний проект заинтересовал папу, потому что вы такой умный? Не надо обижаться на мои слова, но я сильно сомневаюсь. Не буду трогать болезненное место мужчин, их ум, но в данном случае вы просто случайно потрафили его самолюбию. Он ведь окончил МАДИ, автотранспортный, и построить супердорогу – это мечта его детства. Отец хочет доказать самому себе, что не зря получил диплом. Видите, как странно ложатся карты...

Нина вернулась к монологу о себе.

– А я между тем росла обычным ребенком, пока неожиданно все не изменилось. И отец отправил меня в Англию, где я училась и пробовала себя в разных качествах. Но так и не прилепилась ни к какому делу. В одном только уверена, бизнес – занятие не для меня. А Москву я видела только наездами, из окна машины. И больше помню ее такой, какой она была в начале девяностых. Грязной и серой. Так что побудьте, Родик, для разнообразия моим чичероне.

Какое-то время мы шлялись по центру. Нина с удовольствием заходила во все подряд магазины и приценивалась. Она только удивлялась дороговизне и рассказывала, что и почему можно купить за такие же цены в Европе. А потом в очередной раз ошарашила меня просьбой.

– Родик, давайте сходим в кино, – просительно глядя, обратилась она ко мне. – Вы можете мне, дуре, не поверить, но это моя навязчивая идея. Я устала от всего самого-самого и просто хочу в кино. Хочу, как когда-то в детстве, подойти к кассе, отстоять в очереди и, купив билет, сделанный из плохой сероватой бумаги, отсидеть положенные два часа на неудобных деревянных сидениях... Хочу и все... Хотя и знаю, что ничего этого больше нет. Но все равно хочу. Так сжальтесь же надо мной, сводите девушку. Только, ради бога, не в какой-нибудь накрученный кинотеатр, а куда-нибудь попроще.

Я задумался. Еще бы... Принцесса собралась идти в народ. Значит, мне нужно будет выполнить прихоть дочери Олигарха, балующейся чтением Монтеня. Для чего требовалось найти «народный» кинотеатр и фильм, который хотя бы приблизительно соответствовал ее неизвестным мне вкусам. От напряжения голова начала пухнуть, и я, плюнув мысленно в сердцах, повел ее в ближайшую киношку на очередной блокбастер, который, к моему счастью, оказался вполне приличного качества. Нина радовалась, как ребенок, которого первый раз повели в цирк. Я выпил пива, а она похрустела попкорном. Надеюсь, что и примкнувшие к этому культурному мероприятию Чук и Гек тоже получили удовольствие.

В итоге наше randevу оказалось достаточно милым. Мы всласть почирикали ни о чем, посмотрели стрелялку, а затем я отвез ее в гостиницу. Нина искренне меня поблагодарила и смутила тем, что поцеловала на прощание в щеку. А напоследок сунула бумажку с номером телефона.

– Это мой личный сотовый. Его номер не знает почти никто, – сказала она. – Захочешь – позвони.

Мы расстались. По дороге я, скорчив рожу, помахал на прощание стоящим с отсутствующим видом у своей машины Чуку и Геку. А один из них, не произнося вслух ни слова, четко проартикулировал губами:

– А пошел ты на ...

На сегодня было все. Уже по дороге домой я понял, как за этот день устал.

Услышав звук открываемой двери, Машка выскочила в прихожую.

– Наконец-то пришел, – не без раздражения буркнула она и легонько чмокнула меня в губы.

Это был уже второй женский поцелуй за последний час. Машка не без подозрения меня осмотрела и принялась. Пахло пивом. Она сморщила носик и, отвернувшись, сказала:

– Если голоден – там есть блинчики с мясом. Хочешь, в момент разогрею в микроволновке.

Я промычал что-то невразумительное. Голодным я себя не чувствовал, тем более что от пива и съеденного в кинотеатре бутерброда началась изжога. Да и вообще ничего не хотелось. Слишком перенервничал. Даже Машкино присутствие раздражало. А она, как обычно, что-то чирикала. Я старался не вникать и ушел на кухню, сделав вид, что все же собираюсь попробовать эти чертовы блинчики. Как назло, Машка пришла вслед и села напротив. Все выглядело точь-в-точь, как сцена возвращения мужа после работы. Он усталый и злой, а она, наоборот, соскучившаяся и жаждущая общения. Какого ляда! Я холост. Это моя квартира. И мне не

нужны никакие блинчики. Мог бы, как миленький, спокойно обойтись пельменями из ларька напротив. Я злобно ковырнул блинчик и, не притронувшись к нему, бросил вилку.

Машка притихла и обиженно на меня посмотрела.

– Что случилось? У тебя проблемы? Не хочешь – не ешь.

У меня невольно сжались челюсти.

– Проблемы, говоришь? – притворно равнодушно переспросил я и вдруг завелся. – Вообще-то свои проблемы я решаю сам и ни в чьей помощи не нуждаюсь. А вот что делать с твоими, это – вопрос. Ты ведь собралась сниматься в сериале и не вовремя забеременела. И, как утверждаешь, от меня. Но, как это ни странно, я не услышал, чтобы ты что-то попыталась по этому поводу предпринять. Ты, кажется, ведь собиралась сделать аборт? Уже есть дата? Или передумала и будешь рожать? Это ведь тоже вариант. А актерскую карьеру можно заново начать и через пару лет.

Я чувствовал себя отвратительно и знал, что веду себя отвратительно. Я же не дурак и селезенкой чувствовал, что ей в эту минуту больше всего хотелось услышать не это, а что-то вроде:

– Машенька! Я тебя люблю. Выходи за меня замуж. И, хочешь, рожай. Тогда у нас будет сынишка или дочурка. А хочешь – сделай аборт. Займись карьерой, снимайся в кино, а ребеночка родишь потом.

Родила царица в ночь... Черта-с два. Не то сына, не то дочь... Хрена вам. Я холостой мужчина и не хочу брать на себя ответственность за эту женщину и ее ребенка. Я не виноват в том, что у Машки произошла накладка, и вовсе не намерен из-за этого коренным образом менять свою жизнь. Да и вообще, может, она это подстроила специально, чтобы оказать на меня давление, выйти за меня замуж и получить прописку в Москве.

Так, честно говоря, я и думал. Противно. А мне и было противно.

Машка побледнела как полотно и резко встала. Ее большие зеленые глаза, наполненные слезами, неожиданно засверкали от гнева. Я думал, что она начнет, как обычно, меня довольно колоритно нецензурно крыть, в сердцах переходя на украинский, но она совершенно холодно произнесла:

– Какая же ты, оказывается, сволочь. – И вышла.

Я слышал из кухни, как она собирает свои вещи, как потом хлопнула дверь. В этот вечер я напился.

Утром лучше не стало. Голова раскалывалась, тошнило. Меня вырвало раз, потом другой, а затем я долго стоял не в силах двинуться, опершись руками на унитаз и склонив голову. А поганей всего было на душе.

Я плохо помню, как прошел день на работе. Мне говорили потом, что я на всех кидался, хотя это и не было на меня похоже.

Тем же вечером я в ожидании сидел на лавочке перед домом, где она снимала квартиру. Никого не дождавшись, я поднялся наверх, но Машки дома не оказалась. Мне открыла ее подруга, и по тому взгляду, каким она на меня одарила, я понял, что она в курсе событий.

– Да не глядите вы на меня так. Я ведь каяться пришел, мириться, – просительно и умильно проговорил я.

– Да пошел ты, хрен обкусанный, – рывкнула девица. – Нет Машки еще. Не вернулась со съемок. – И хлопнула перед моим носом дверь.

Было уже около десяти, когда наконец появилась Машка. Она попыталась молча пройти мимо меня, но я, не говоря ни слова, загородил ей дорогу.

– Пусти, – зло сказала она.

Я безропотно отошел в сторону. Как я и ожидал, она чуть замешкалась, не ожидая такой покладистости. В этот момент я и забормотал:

– Маш! Ну, прости ж ты меня, дурака. Усталый вчера пришел, на взводе, вот и наговорил черт-те чего.

А Машка вдруг возбужденно заговорила, как будто продолжала давно начатый между нами разговор.

– Знаешь. Я все понимаю. Кроме одного. Ты можешь меня не любить. Ты можешь не хотеть на мне жениться. Ты можешь обделаться от страха, узнав, что я беременна. Но я не могу понять, как ты мог подумать, что я сказала бы тебе о беременности, если б не была уверена, что это твой ребенок. А он твой, и ты имеешь право об этом знать.

На протяжении всей этой тирады я стоял напротив Машки с демонстративно поднятыми вверх руками и злился. Злился от своего бессилия, от ощущения вины и одновременно от того, что не удержался и пришел за ней. Когда она закончила, я продолжал молчать. А Машка выжидательно и презрительно на меня смотрела, и я понял, что она сейчас уйдет.

– Возвращайся ко мне, – сказал я. И, не ожидая ответа, ушел.

Пару дней ничего происходило, исключая то, что я не без удовольствия пользовался благами одинокой жизни: бросал одежду, где попало, плюхался на диван, не снимая тапочки, и жадно ел банками бычки в томате, которые почему-то от всей души ненавидела Машка. Она не звонила и не приходила, а я не делал новой попытки ее разыскать. На работе же мои взаимоотношения с боссом находились в состоянии неустойчивого равновесия. Он злился, но старался не показывать виду. Но, слава богу, что никакой срочности в оформлении официальных отношений с «Сибирскими дорогами» не было, и поэтому ничто не напоминало Тимуру о том эпизоде с Олигархом. Во всяком случае, мне так казалось.

То ли на третий, то ли на четвертый день мне неожиданно позвонила Нина и предложила погулять с ней в парке Горького. Похоже, принцесса и в самом деле решила совершить экскурсию по всем местам своего плебейского детства. Самое интересное было то, что она позвонила мне на сотовый, номер которого знать не могла. Из этого я сделал вывод, что ей его кто-то дал, а значит, скоро вся фирма будет знать, что она мной интересовалась. Включая ее папу. Хорошо это или плохо, должно было показать время, но мне было совершенно понятно, что она не та девочка, которую можно просто подержать за попку. У меня было мелькнула мысль отказаться, но это было не по-спортивному, хотя после размолвки с Машей у меня совсем не было настроения развлекать олигаршёнку.

Тимур в этот день был на работе. И я не без опаски ждал, когда он меня к себе позовет. Он еще накануне позвонил мне и сказал, что у него есть разговор по поводу проекта. Его вызов не заставил себя долго ждать. Генриетта, войдя в мой кабинет, молча указала головой на потолок. На логово босса, располагавшееся этажом выше.

– Доброе утро, Тимур Арсеньевич! – нейтральным тоном проговорил я. – Как себя чувствует ваша супруга? Давление упало?

Босс был хмур. Но никакой неприязни в его брошенном на меня взгляде не было.

– Спасибо. Получше, – безразлично ответил он и указал на кресло напротив.

– Родион! – начал он после паузы. – Я вполне допускаю, что с возрастом становлюсь все большей и большей занудой, но эта компания «Сибирские дороги» не дает мне покоя.

Босс, предупреждая мою ответную реплику, предостерегающе поднял руку.

– Да знаю я, знаю, что в документах у них все в порядке, и что Нёме нравится сама идея, – продолжал он. – Возможно, я просто параноик, но я привык полагаться на свою интуицию. А она подсказывает мне, что здесь что-то неладно. И я по своим каналам навел справки. И вот что выяснил. Эта фирма существует меньше года и возникла как бы из ничего. Ее владельцы вполне деловые люди, но малоизвестны в большом бизнесе, что, в общем, не такая уж большая беда. Хуже то, что происхождение их относительно крупного капитала весьма сомнительно.

Я засмеялся.

– У нас в стране происхождение всех капиталов более чем сомнительно.

Босс нетерпеливо затряс головой.

– Не считай меня наивным дураком. Если хочешь знать, происхождение капиталов во всем мире более чем сомнительно. Но я не об этом. И в таких делах есть границы.

– Неужели деньги «общака»? – полушутя спросил я.

Босс ожег меня взглядом.

– Я не знаю, как это называется, возможно, тебе виднее. Но, вероятно, что-то в этом роде. Поэтому я считаю, что надо предупредить Нёму и не заключать соглашение о вложении капитала.

– Надо – так надо, – равнодушным тоном ответил я, хотя внутри у меня все кипело. Какого черта босс изображал передо мной из себя гимназистку? Можно было подумать, что его когда-то до этого волновало, откуда у людей, имеющих с нами дело, деньги. Мы-то сами занимаемся чисто легальным бизнесом. И большими деньгами. А честных больших денег в России не бывает. И для нас нет никакой разницы, заработал ли наш клиент «бабки», ограбив себе подобных во время приватизации, продал ли оружие Талибану или героин несчастным наркоманам, или же на самом деле честно изобрел что-то и выгодно продал патент. А у Тимура просто было задето самолюбие. Впервые за долгое время с его точкой зрения Нёма не изволил согласиться. Да еще поддержал молодого да раннего заместителя.

Босс внимательно глядел на меня, но я ничего говорить не стал. Он затеял игру, так пусть ее и доигрывает.

– У меня сегодня важная встреча, – наконец, заговорил он, – которую даже ради Наума Яковлевича я не могу отменить. А он улетает вечером на несколько дней в Лондон. Поэтому говорить с ним надо сегодня же и не по телефону.

Тимур встал, подошел ко мне и отечески положил руку на плечо.

– Родион! К нему поедешь ты. Он ждет тебя в главном офисе в два часа. Я уже договорился.

Он уже договорился, мысленно я передразнил его. Можно было даже подумать, что этот спектакль не отрепетирован заранее. Это же надо! Я сам должен буду обгадить фирму, за проект которой хлопотал. Я встал и повернулся, чтобы уйти. Но меня притормозила фраза:

– Кстати, насчет Нины, умник. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я не понял, о чем речь.

– Нема – мужик современный, но за интрижку с дочерью может оторвать голову.

Тимур, оказывается, уже знал. А может, и сам дал ей мой телефон.

Но с Ниной было хорошо. Внешне она была совершенно обыкновенной смешливой девчонкой, которую лишь случайный расклад карт заставил вести образ жизни леди Ди. Мы ели мороженое, катались на карусели, болтали и развлекались как школьники на каникулах. А за нами на четко выверенном, не слишком большом и не слишком маленьком расстоянии таскались два жлоба. Но не Чук и Гек. Другие. Сменщики. В какой-то момент я даже подумал, как это ужасно, когда лишен возможности уединения и не можешь практически ни на минуту чувствовать себя свободным. Я сказал что-то в этом роде Нине, а та засмеялась.

– Еще бы. Уж я-то знаю, – сказала она. – Я была еще девчонкой, когда стала ходить с охраной, и меня это ужасно раздражало. Это же невозможно, когда за тобой все время, как привязанные, ходят два здоровенных мужика. Ни, прошу прощения, задницу почесать, ни в носу поковыряться. И за это им, охране, поначалу от меня доставалось. Всё пыталась удрать от них или назло часами в туалете сидела, чтоб они там под дверью, как дураки, кисли. А потом один из них, Толик его звали, после одного из таких демаршей мне так спокойно и говорит:

– Ты, девочка, зря стараешься. Веди себя, как хочешь, но знай, что для нас это просто работа. Мы таких, как ты и твой папаша, перестаем со временем вообще замечать как людей. Вы объекты. И ты просто объект, который застрял в сортире гостиницы. А мне все равно, где стоять. Здесь, у двери твоего номера или в ресторане. Лишь бы все в порядке было. Не хочу тебя обидеть, но для нас вы как бараны в стаде.

И я решила, что не буду на охранников обращать внимание. А со временем и привыкла.

Наконец, мы нагулялись всласть. Мы практически не пропустили ни одного аттракциона. Даже постреляли в тире, но ничего не выиграли. А когда настало время возвращаться домой, я с удивлением понял, что чувствую себя отдохнувшим, что у меня хорошее настроение, и мне нравится Нина. И хотя на эту встречу я пошел из чисто деловых соображений, мое тело неожиданно мне напомнило, что я мужчина, когда девушка на прощание податливо ко мне прижалась и снова, как в тот раз, поцеловала. Ее поцелуй был нежен и легок. А от волос возбуждающе пахло духами. Я чуть вопросительно посмотрел на нее. И зря это сделал. Взгляд ее был красноречив и понятен любому мужчине, хотя в нем удивительно сочетались сексуальный призыв и готовность покориться самцу и вместе с тем... целомудренность. А что может быть приятней для мужчины, как не ощущение собственной привлекательности для женщины?

В полном сумбуре чувств я поехал домой, тихо радуясь, что, по крайней мере, не придется разбираться с Машкой.

Моя холостяцкая квартира была пуста, в ней ничем вкусным не пахло, как это бывало, когда меня встречала Машка. Я завалился на диван и блаженно откинулся на подушку. Мне нравилось мое одиночество. Я включил телевизор и вскоре тихонько начал дремать под нудную сводку новостей. В этот момент раздался телефонный звонок. Я в сердцах выругался. Это была Нина. Оказывается, она знала и этот телефон.

– Родик! – спросила она. – Ты еще по мне не соскучился?

Я что-то, сдерживая зевоту, пробормотал в ответ.

– Ой! – воскликнула она. – Извини, я, кажется, тебя разбудила.

Я затряс головой, чтобы очухаться.

– Что ты! – бодрячком ответил я. – Просто ты оторвала меня от служебных бумаг.

– Ой, Родик, извини, – не без иронии проговорила она, видимо, не купившись на мое вранье. – Я и забыла, что ты у нас занятой и должен работать, чтобы мой папа платил тебе деньги. Это только я просто прожигаю жизнь.

Тон был игривым, но в последней фразе была капелька горечи.

Мы замолчали. Мне-то говорить и вообще не очень хотелось, и в отношении к Нине я не определился. Видел-то я ее всего два раза, а она уже вела себя со мной, как со старым знакомым. Может, действительно думала, что, если не проявит инициативу, то сам я ее искать не стану. Ведь игрушкой дочери Олигарха я быть не собирался.

В этот момент позвонили в дверь. Что за наваждение такое сегодня, подумал я. По телефону меня вообще-то доставали часто. И по работе, и так. Но чтобы гости, да в такое время...

Я попросил Нину подождать. На пороге стояла Машка. Я ошарашенно на нее посмотрел и удивился – ведь у нее был свой ключ. А потом почему-то испугался. И стоял перед ней с виноватым видом, держа в руке открытый мобильник.

– Привет, Родион, – равнодушно сказала она, но не сделала никакой попытки зайти внутрь. – Прости, ты, похоже, занят. – И она показала глазами на телефон.

Я отрицательно покачал головой и сделал приглашающий жест.

– О чем ты говоришь, – сказал я. – Заходи. А я только договорю.

Машка как будто заколебалась, заходить или нет, но вошла, а я быстро смылся на кухню.

– Нина, извини, сейчас не могу разговаривать. Перезвони позже, – понизив голос, проговорил я.

– Это пришла она? Это был ее голос? – с любопытством спросила девушка, но мне послышалась и ревнивая нотка.

Я рассердился. Да какое твое, к черту, дело, кто ко мне пришел?

– Да, – ответил я, – пришла моя любовница.

И отключил телефон.

Машка сидела на моем месте на диване. По телевизору продолжали передавать какую-то ерунду.

– И кто она? – теперь уже Машка заинтересовалась моими связями с женщинами.

– Не будь душой, – довольно грубо ответил я. – Это звонили по работе.

– И поэтому ты ушел на кухню? – с сомнением протянула она. – Хотя какое мне, по сути, дело?

У меня в груди непроизвольно екнуло. Что она имеет в виду?

Машка грустно на меня посмотрела.

– Ты как был, так и останешься рассудочным эгоистом. – В ее глазах мелькнула злость. – А я пришла тебя порадовать. Аборт назначен на четырнадцатое, но надо сделать еще какие-то анализы. Я бы не стала к тебе обращаться, но на это нужны деньги. А их у меня сейчас нет.

Я протестующе замахал руками и с опозданием понял, что сделал это зря. Машка распалась еще сильнее.

– Скотина! Обрадовался, что можешь от меня откупиться, чтобы трахаться со своей шлюшкой, – и обличающе указала на телефон.

По-честному, я тоже стал заводиться. Что они все, сговорились что ли? Или пятна какие на солнце высыпали?

Я в упор посмотрел на Машу, а глаза у меня на четверть дедушкины, и та чуть приутихла.

Мы молчали и просто смотрели друг на друга. Наконец, она решила что-то сказать. Я остановил ее движением руки.

– Молчи! Не пугай тишину звуками, – сказал я. – А еще лучше просто останься.

Но Машка отрицательно покачала головой и ушла.

Я уже закрывал за ней дверь, когда она обернулась и проронила:

– У меня здесь нет зубной щетки. А твоей я чистить брезгую.

Последнее слово всегда остается за женщиной.

Когда на следующий день я шел докладывать о вчерашней встрече с Олигархом Тимуром, то не мог в глубине души не позлорадствовать. Кагановский реагировал совсем иначе, чем он предполагал. А было так. Я честно изложил Науму доводы своего начальника, явно демонстрируя, что это именно Тимура, а не мое мнение. И, как я и предполагал, Олигарх задал мне вопрос:

– Я вижу, Родион Николаевич, что вы не совсем согласны с Тимуром Арсеньевичем. Так что же по этому поводу думаете вы?

Я помялся, как будто собираясь с мыслями, хотя, в принципе, знал, что хочу сказать.

– Видите ли, Наум Яковлевич! Возможно, я не прав, но, с моей точки зрения, доводы Тимура Арсеньевича находятся в плоскости этики, а не бизнеса. Если бы он продолжал настаивать, что проект рискован и мы можем потерпеть убытки, это одно, но говорить, что нельзя давать деньги, потому что есть подозрение, что клиент нечестно их заработал, глупо.

– Интересное рассуждение, Родион Николаевич. Значит, по-вашему, в нашем деле нет места традиционной человеческой этике? Я, конечно, утрирую, но получается, что для нас нормально, скажем, использовать и «кровавые» деньги? – глядя на меня с любопытством, спросил Олигарх.

– Извините, Наум Яковлевич, но такие рассуждения хороши для теледебатов, а не для реального бизнеса. Мы никого не грабили и не убивали. Уверен, что и владельцев «Сибирских дорог» не разыскивает милиция. А их деньги, между прочим, как, возможно, и наши, могут пойти на вполне достойное дело. И если оно выгорит, от этого выиграют все. Пирамиды в Египте строились на крови рабов, но история запомнила не их, а фараонов, – немного запальчиво ответил я. На Кагановкого в этот момент я старался не смотреть, потому что чувствовал себя глупо. У меня было ощущение, что он разглядывает меня как костюм в витрине, который собирается купить.

– Так-так, молодой человек, – протянул он. – Значит, если я правильно понимаю вашу мысль, вы утверждаете, что в случае, если фирма «Сибирские дороги» не является действующей криминальной организацией, мы с ними можем продолжать иметь дело?

Я кивнул.

– Хорошо. Так мы и решим, – Олигарх, намекая на окончание разговора, встал. – Мы поможем сибирякам построить их дорогу. А вы, Родион Николаевич, все-таки поинтересуйтесь, нет ли на наших партнеров «живого» уголовного компромата. Это всегда может пригодиться. И, если что-то выкопаете, напрямую сообщите мне. Не беспокойте Тимура Арсеньевича. Достаточно и того, что у его жены повышенное давление.

– Нет проблем, Наум Яковлевич, – снова кивнул я и, попрощавшись, пошел к выходу.

– Родион Николаевич! – остановил меня Олигарх. – Я, кстати, должен поблагодарить вас за то, что вы развлекаете мою дочь. У меня на нее сейчас совсем нет времени.

Несмотря на его любезный тон, я слегка похолодел.

– Она любит клубнику со сливками, – сказал Олигарх и уткнулся в свои бумаги.

Нечего скрывать, итогом встречи я был доволен. Уважаемый мной, но нудный Тимур, кажется, получил по носу, а Олигарх без гнева отнесся к моим свиданиям с Ниной.

И вот теперь я стоял перед непосредственным начальником Тимуром Арсеньевичем и, приняв безразличный вид, докладывал о результатах встречи «в верхах». Тимур же плохо скрывал свое раздражение. Но сделать уже ничего не мог. Он оставил мой доклад без комментариев и лишь холодно кивнул, отпуская меня.

Вернувшись в свой кабинет, я вновь связался с пинкертонами.

Мне ответил Эдик, бывший хороший мент, которого за излишнюю принципиальность, как говорится, «вычистили». Мы как-то с ним встречались «без галстуков», и он мне рассказал свою типовую ментовскую историю, смысл которой заключается в том, что маленьким людям, вроде него, бессмысленно бороться с большими. Но смотрел он на все это с юмором. Работа в частном сыске ему нравилась, да и открывала она большие, чем на первый взгляд кажется, возможности. Эдик как раз и был мне нужен. Это он тогда, по моему заказу, занимался проверкой «Сибирских дорог». И я сейчас обратился именно к нему с просьбой проверить их руководство на вшивость, на наличие каких-либо явных грехов, способных затруднить наши с ними взаимоотношения. Я пообещал неплохой гонорар, а Эдик довольно засмеялся:

– Считаю, что я его уже заработал. Ты, наверно, этого не знаешь, но мы всякий раз, выполняя задание, связанное с большим бизнесом, собираем намного больше информации, чем передаем заказчику. В вашем террариуме любой пустяк, а тем более компромат, стоит приличных денег. Естественно, занимаясь «Сибирскими дорогами», я поинтересовался и рыльцами членов правления фирмы. Не в пушку ли они? И ничего порочащего их репутацию не нашел. Может, только маленькое пятнышко. Есть у них там некий Виктор Юрьевич Долгов, который даже не входит в правление, простой юрисконсульт. Как ни смешно, он единственный, кого можно как-то увязать с уголовными делами. И то при большом желании. В Красноярске несколько лет назад гремело громкое дело о квартирных аферах на миллионы баксов. Статья 159, часть 4. Мошенничество в особо крупных размерах, совершенное группой лиц. Так

вот, Долгов выступал там свидетелем, а главным осужденным, получившим девять лет, был его двоюродный брат. Но в Красноярске вообще-то поговаривали, что тот подставная фигура. Участник, но далеко не главный.

Я поблагодарил Эдика и пообещал как можно скорее передать ему гонорар. А затем задумался. Быть свидетелем на суде не преступление, и я звонить Олигарху не стал.

Дома меня ждала Машка. Я почувствовал это по запаху жаркого, сбивающего с ног непосвященного в тайны Машкиной кухни ароматом специй. Но уже у двери запнулся. Я откровенно не знал, как мне с ней себя вести. Я был и рад, и не рад. По привычке приготовился балагурить. Но Машка была грустна и, видимо, недавно плакала. Я эгоистично испугался, что она сейчас закатит сцену по поводу меня и ребенка, но дело было в другом.

– Привет, Машка! – радостно, но с оттенком фальши воскликнул я. – Здорово, что ты вернулась.

Она кивнула в ответ, а я внимательно следил за ней, ожидая, что будет дальше.

– Что ты такая кислая? Случилось что? – провокационно спросил я, готовясь к потоку упреков.

Машка со злостью саданула своим маленьким кулачком по подлокотнику кресла.

– Меня прокатали с этой ролью в сериале. Режиссер не согласился, чтоб он сдох. Надо же, предпочел эту сучку Троекурову, – злобно сказала она и по-детски заплакала.

У меня отлегло, что проблема не во мне, и на удивление быстро внутри поднялась девятым валом волна совершенно искреннего гнева.

– Как прокатали? – негодуя переспросил я. – Да как они могли! Тебе остальные актриски и ноги мыть не достойны.

Машка криво улыбнулась и благодарно на меня посмотрела.

– Ладно, – вяло произнесла она. – Переживу. Мне все равно сейчас не до этого. Пойдем лучше кушать.

Я достал коньяк, и мы, сидя за столом, провели далеко не самый веселый вечер. И почти не разговаривали. Я еще как-то пытался ее утешить, но она только отмахивалась. А зная ее характер, я со своим сочувствием боялся перегнуть палку. Очевидно, ей просто было нужно время, чтобы успокоиться и собраться с силами. А что это вскоре произойдет, я не сомневался. И тогда, киношники, поберегитесь.

А так Машка, похоже, вернулась ко мне основательно. Во всяком случае, ее вещи были расставлены по обычным местам. Она по-прежнему стала исчезать по утрам по своим делам, а я, аккуратно повязав галстук, ходил на службу. Ни она, ни я не обсуждали тему ее беременности, но оба с опаской ждали момента, когда она пойдет на «чистку», аборт то бишь.

В один из дней на работу позвонила Нина. Звонить мне домой она, видимо, уже не решилась.

Мы обменялись парой вежливых фраз, а потом она извиняющимся тоном и, подчеркнуто называя меня на «вы», сказала:

– Родион! Вы меня простите уж, что я тогда этим звонком неловко влезла в вашу личную жизнь. Это было просто девчачье любопытство.

Я, по-честному, не сильно-то и обиделся и сам собирался набраться духу и позвонить, но теперь, благодаря ее звонку, даже получил позиционное преимущество. Она набрала мой номер первой.

– Да что вы, Нина Наумовна, – съехидничал я. – Вам не о чем беспокоиться. Моя, как вы тогда выразились, любовница просто от меня ушла. А так все хорошо.

Я, понятное дело, говорил ехидным тоном, но ее реакция меня слегка поразила.

Вначале была пауза, и я телепатически чувствовал, что Нина в ответ на мои слова начинает обижаться, но потом что-то изменилось, и она переспросила с любопытством:

– Что? Она и вправду ушла?

Если б я стоял, то так бы и сел. Эта девчонка влюбилась в меня, что ли?

Я молчал в трубку, не зная как реагировать. Надо было бы отшутиться, но чувство юмора почему-то оставило меня. Тем более что Нина своим вопросом, не подозревая, поскребла по больному.

– Родион! – как ни в чем не бывало, продолжала она уже на «ты». – Расслабься. Твоих женщин я у тебя не отбиваю, да и не знаю, как это делается. Но мне сидеть одной скучно. Может, пойдём снова в кино? Я тебе куплю жвачку, если захочешь. А будешь хорошо вести, то и пиво.

Глупо сознаваться в собственной непоследовательности, но я был рад ее предложению и согласился.

И снова у нас было легкое, бездумное, романтическое, если хотите, детское свидание, чуть омрачаемое надзором конвоя. И снова она поцеловала меня на прощание. Но в этот раз в губы. Поцелуй был совершенно мимолетен, но ее язычок эротично скользнул по моим губам.

– Спасибо, Родик, – сказала она, глядя насмешливо и чуть блудливо. – Скажи мне, только не ври, тебе не мешает то, что мы все время окружены людьми? Ты не чувствуешь себя участником первомайской демонстрации?

Я рассмеялся, но ничего не ответил. Пусть договаривает сама. А Нина замялась. Мяч остался на ее площадке. Наконец, она решилась.

– Знаешь, Родик, у меня в Москве тетка, и она уехала в Индию. И оставила квартиру. Ты не хочешь поужинать там со мной?..

Нина невольно покраснела и сама на себя за это рассердилась.

– Ни на что, кстати, не рассчитывай, – строго сказала она. – Я просто хочу познакомить тебя с одним человеком.

Зачем же так явно врать, подумал я, и какая-то котяра мурлыкнула у меня внутри. Хотя, кто был, если вообще был, этот «один человек», было бы, конечно, интересно узнать. Надеюсь, не муж. Не люблю прыгать с балкона.

Тетка Нины жила в районе Тверского бульвара, в тех известных домах из прошлой жизни, которые превратились в современной Москве в «золотых тельцов». Я ожидал увидеть что-то супернавороченное, но это была просто большая, старая, но ухоженная и небедная квартира. И если бы я не был корнями из деревни Косой Луг, а, скажем, потомком мелкопоместного дворянина, то вполне мог бы почувствовать себя в ней как гимназист, пришедший навестить свою бабушку, бывшую оберфрейлину.

Нина, похоже, готовилась к моему приходу. На красиво накрытом столе горели две свечи, аппетитно пахла свежая зелень, а взгляд невольно скользил по вазочкам с какими-то салатами. Из кухни же возбуждающе неслись запахи запекающейся курицы.

– Что ты будешь пить? – на мгновенье прижавшись ко мне, спросила Нина.

Я вообще-то выпил бы водки, но не рискнул в этом сознаться, и поэтому просто пожал плечами.

– Что нальешь, – ответил я. Но Нина меня удивила.

– Самогонку будешь? – поинтересовалась она.

Я вытаращил глаза. Я вовсе не был противником этого напитка. Даже наоборот. Сделанный мастером своего дела, он был вполне конкурентоспособным пойлом. Но вот уж на что в этом доме мне не приходило в голову рассчитывать, так это на него. Я-то настроился пить какую-нибудь фирменную политуру вроде «Божоле» или «Шартреза». Но все-таки у меня хватило ума не выпендриваться и согласно кивнуть. Я уже открыл рот, чтобы задать логично вытекающий вопрос, но Нина меня остановила.

– Молчи. Не спрашивай. Сама объясню. Моя тетка – интеллигентнейшая женщина из породы ископаемых. И такие же у нее подруги. Как на подбор или старые девы, или разведенные, как она. В этой квартире они привыкли собираться вечерами и вести утонченно интеллектуальные беседы, от которых у нормальных людей начинает сводить скулы. А тетка, в общем, по характеру не совсем такая, как ее товарки. В ней всегда жило озорное начало. И, в конце концов, она по-своему проявила протест против опостылевшего ей образа жизни: начала гнать самогон. И достигла в этом высот. Не зря же она получила обширное академическое образование. А потом на основе самогона стала делать настойки. Да еще какие. И, честно говоря, и папа, и даже я не отказываемся выпить по рюмке, так это здорово. А теткыны подружки разбежались, когда узнали, что она самогонщица, да еще и сама влежку поддает.

Я пригубил настойку в ее смородиновом варианте и понял, что Нининой тетке цены нет.

Нина искренне обрадовалась, что мне понравилось, и мы сели за стол. Я не очень помню, о чем болтали, наверное, о пустяках, но было славно. Красивая девчонка, вкусная еда и умопомрачительная настойка. Чего еще надо? Мы оба немножко захмелели, и я уже был в стадии рассказа какой-то дежурной истории из своего репертуара и сложных размышлений о том, как далеко я могу зайти с Ниной в отношениях. То, что она была не против, до меня дошло, как дошло и то, что и я сам очень-очень не против. Но все-таки она была дочь Олигарха...

Мы уже ополовинили бутылку, когда раздался звонок в дверь.

– Ой, это он, – пискнула Нина.

Я удивился. Я не очень поверил, что она хочет меня с кем-то познакомиться. Думал, это просто женская уловка, чтобы заставить меня вести себя сдержаннее.

Из прихожей слышалась какая-то невнятная речь. Но, хотя слова было не разобрать, интонации выдавали, что это встреча старых знакомых.

– И где же он? – так перевел я себе услышанную в конце разговора неразборчивую кашу слов.

В комнату вошла Нина в сопровождении мужчины, смутно показавшегося мне знакомым. Он был немолод, небогато одет в нечто из старых добрых советских времен и китайского рынка. Так, как до сих пор еще одевались многие. Типичный живущий на пенсию непродвинутый инженер или учитель. Еще его сильно портили очки, одна из дужек которых была замотана изоляционной лентой. Такого атавизма я не видел давно. Он внимательно меня разглядывал, скорее, сканировал своими пытливыми и умными глазами. А меня мучил вопрос, почему он мне кажется знакомым. И вдруг у меня отвисла челюсть. Мама дорогая. Это же был Олигарх. Папочка инкогнито пришел проведать дочечку. Родик, срочно проверь штаны на застегнутость и испачканность.

Наум увидел выражение моего лица и добродушно улыбнулся. Он, похоже, пришел с миром.

– Удивлены, Родион Николаевич? – вместо приветствия спросил он. – Не обращайтесь внимание. Нельзя же человеку все время быть под присмотром охраны. – И он притворно всплеснул руками. – Я ведь тоже должен иметь свободу. Вот и придумал маскарад. Когда я в таком костюме, никому и в голову не придет, что рядом, в том же вагоне метро, – Олигарх соорудил важную мину, – как простой смертный едет тот, кого пылко ненавидит значительный процент дор-р-рогих россиян. То есть тысячи, если не миллионы, обывателей, несправедливо считающих, что я их ограбил, и сотни намного более опасных их соотечественников, обиженных тем, что я не хочу с ними делиться.

«Гарун-аль-Рашид гребаный», – подумал я, а вслух произнес:

– А может, все-таки вы зря так развлекаетесь. Не дай бог, нарветесь на неприятности.

Но Олигарх отрицательно покачал головой и, по-хозяйски подойдя к серванту, вытащил оттуда рюмку. Он подошел к столу и всем налил настойку.

– Не берите себе в голову, Родион Николаевич, – сказал он. – Охрана и сумасшедшие деньги, которые я на нее трачу, это во многом дань традиции, если хотите, символ высокого положения, как и неприметные, но очень дорогие часы, оставшиеся на моей руке. А в реальности, если кто-то серьезный по-настоящему захочет меня убить или похитить, то он своего добьется. И никто и ничто не поможет. Охрана существует скорее, чтобы отпугивать обыкновенных, хотя иногда и опасных ненормальных. А в таком виде, – Наум показал на свой прикид, – я защищен лучше, чем в бронированном автомобиле. Я в нем обыкновенный, такой, как многие, незаметный человек. Даже мои собственные охранники меня не узнают. Хотя меня каждый раз огорчает, что приходится их душить. А переодеваться я езжу в дом к одной даме, которую охрана считает моей любовницей и бдительно стоит на страже в течение моего отсутствия. Хотя владелица квартиры – моя древняя подруга по институту, с которой у меня никогда ничего не было. Но, возможно, она единственный человек, кроме Ниночки, которому в этой жизни я могу доверять. Она помогает мне устраивать этот маскарад, но всегда поднимает на смех, когда я, как она выражается, «иду в народ». Однажды она в насмешку даже купила мне накладные усы и пыталась их наклеить.

Он засмеялся, и я подхалимски подхватил его смех, а затем развеселился по-настоящему. Я представил Олигарха с усами, как у Бармалея, и понял, что в таком образе он вряд ли бы остался незаметным и наверняка запечатлелся бы в памяти окружающих.

Вопреки ожиданиям Наум не испортил нам вечер. Или, точнее, не испортил застолье. Олигарх, несмотря на свое автодорожное образование, видимо, прошел хорошую школу дипломатии. Он умело поддерживал разговор, к месту задавал незначительные, легкие к ответу вопросы, охотно смеялся моим и Нининым шуткам. Меня ни в какие откровенные разговоры не вовлекал, как и не касался работы фирмы. В итоге мы с аппетитом съели курицу, уговорили бутылку настойки и побаловались каким-то десертом. Но вечер все-таки пропал. Олигарх посмотрел на часы и засобирился.

– Вы тоже уходите, Родион Николаевич? – обратился он ко мне, с любопытством ожидая моего ответа.

Я мысленно выругался. Конечно, придется уйти. Куда же я денусь.

– Да, Наум Яковлевич, – фальшиво улыбаясь, ответил я. – Мне тоже уже пора. Если хотите, могу вас подвезти.

– Нет уж, нет уж, – протестуяще замахал руками Олигарх. – Не будем давать Нининой охране повод задаваться вопросом, почему владелец дорогой иномарки подвозит такого, как я. Вы не похожи ни на бомбилу, ни на деда Мороза.

И он пошел надевать крутку, а мы с Ниной остались за столом. И мне было почему-то ужасно обидно уходить. Но, клянусь, это было не просто разочарование мужика, которому не обломилось потрахаться с девчонкой, а что-то большее. Нина насмешливо на меня смотрела.

– Что, Родион Николаевич, вы сегодня в пролете? – спросила она. Я усмехнулся. Нинка все больше меня удивляла. Умная зараза. И откровенная. А она, как будто читая то, что происходит у меня в голове, продолжала:

– Не расстраивайтесь, Родион Николаевич. Не все еще потеряно. Вечер прошел не зря. Вы, кажется, понравились папе.

О-ля-ля, так это, оказывается, были смотрины. Подбор племенного бычка.

По дороге домой я злился, хотя было и... смешно. А потом успокоился. Если захочу, никуда Нинка от меня не денется. А дома у меня есть другая. Моя Машка. И никакое воздержание мне не грозит.

Но все произошло не так, как я предполагал. Машка выглядела испуганной. Она сказала, что у нее боли в нижней части живота. Я тоже перепугался. Не хватало только, чтоб у нее случился выкидыш и она закровила прямо тут. Не слушая возражений, я схватил ее в охапку и потащил в больницу.

В приемном отделении царило мертвое спокойствие. Никто никуда не торопился и на больных внимания не обращал. Это раздражало. Хотя, по-честному, мы могли бы и подождать. С Машкой, похоже, никакой драмы не было. Еще в машине она сказала, что боли стали меньше, но больничный люд, скрывающий за видимостью занятости свое безделье, этого не знал и ничуть не беспокоился по поводу беременной женщины с внезапной болью. А я, во-первых, принял смородиновой настойки, а во-вторых, что намного хуже, у меня произошел двойной облом с бабами. С Нинкой из-за ее папаша, с Машкой по состоянию здоровья. У меня в крови было очень много адреналина. Не хочу вдаваться в подробности, но, когда я увидел, что сотрудники, мягко говоря, не торопятся подойти к Маше, я «немножко» возбудился и «слегка» их пожурил. Но в милицию они звонили зря. У лейтенанта, отличного мужика, тоже, как оказалось, была беременная жена. В итоге пулей прилетевший доктор осмотрел Машенцию по всем правилам пропедевтики внутренних болезней. И, слава богу (для доктора тоже), ничего опасного не нашел. Просто цистит. От этого не умирают. Но облом все-таки остался обломом.

Через несколько дней меня вызвал Тимур. Наши отношения с ним за эти дни сильно подпортились, хотя до явного конфликта дело не доходило. И я даже не понимал почему. Я имею в виду испорченные отношения, а не конфликт. В конце концов, никакой драмы в том, что наши мнения не совпали, не было. Хотя, если по-честному, в данном случае он мог решить, что я действовал через его голову. И в какой-то степени был прав. Раньше-то мы, как правило, пели дуэтом. А тут волею обстоятельств возник расклад, что он оказался и против меня, и против Олигарха.

Но когда Тимур заговорил, я понял, что все даже хуже, чем я предполагал.

– Мне звонил Нёма и просил, чтобы я послал тебя к нему. Так что в два ты должен быть на Трубной.

Я не понимал, какого лешего Олигарху от меня надо. С Ниной после той встречи я только раз целомудренно посидел в кафе, а в делах фирмы Тимур и так вполне справлялся с обязанностями босса. Вот уж чего я меньше всего хотел, так того, чтобы он почувствовал себя выброшенным за борт. А именно так он, похоже, себя ощущал. И это ему любви ко мне не прибавляло.

Но встреча с Олигархом меня ошарашила. Едва мне кивнув, он спросил:

– А кто такая Мария Пономаренко, Родион Николаевич?

Я даже не сразу понял, о ком это он. Что Машкина фамилия Пономаренко, я вообще позабыл, и вначале судорожно начал вспоминать поименно женщин среди сотрудниц или клиентов.

– Затрудняетесь, Родион Николаевич? – чуть издевательски переспросил Олигарх. – Маша Пономаренко. Вспоминайте же. Девушка, с которой вы живете.

Я вылупил глаза. При чем здесь Машка?

Наум заметил мое удивление и более спокойно продолжил:

– Вас удивил мой вопрос, любезный Родион Николаевич? Так я вам объясню. Я вполне современный человек, а моя дочь – совершеннолетняя и тоже вполне современная девушка. И, тем не менее, меня смущает возникшая между ней и вами ситуация. Я не вникаю в подробности, до какой степени близости вы успели дойти, но она – моя любимая дочь, и я считаю своим долгом оберегать ее от глупых и поспешных поступков. И вижу зарождающуюся проблему. Если бы вы просто понадобились ей на раз по зову природы, то меня это ни капельки бы не взволновало. Максимум, я бы от вас откупился. Но вы, к сожалению, ей нравитесь чуть сильнее, чем мне бы хотелось, и это начинает меня беспокоить.

Я столбом стоял перед этим очень-очень большим начальником и не знал, как себя вести. Хотелось просто послать его на три буквы, но такого я себе позволить не мог.

А тот вдруг потерял свою монументальную значительность. Напротив меня сидел обеспокоенный, вытирающий со лба пот немолодой мужчина, отец очаровательной девушки, которую он безуспешно пытается оградить от коварных хищников мужского пола.

Но все-таки он не зря был Олигархом. Размякшие было черты лица вдруг снова затвердели.

– Эта Маша – ваша невеста? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой, но, видимо, сделал это с опозданием.

– То есть вы не собираетесь на ней жениться? Да? – прикидываясь дурачком, полутвердительно проговорил Наум.

Я не понимал, куда он клонит.

– А что там, извините за любопытство, говорят ее гинекологи? – чуть издевательски поинтересовался он.

Твою мать, пронеслось в голове. Он знал и это. И сейчас самое главное было не вспылить и не наговорить глупостей. Он же деловой человек. И я тоже.

– Маша Пономаренко – замечательная, красивая женщина и талантливая актриса, – осторожно начал я казенным тоном. – И я не желал бы другой спутницы жизни...

Я не сомневался, Олигарх заметит, что я говорю в сослагательном наклонении.

... – Но о заключении брака мы никогда не думали, – соврал я, – потому что ни она, ни я не были уверены, что готовы связать друг с другом жизнь навсегда. К сожалению или радости, Маша забеременела, если вы, Наум Яковлевич, имели в виду это, когда спросили про гинекологов, но по определенным причинам эта беременность нежелательна для нас обоих.

Олигарх кивнул. По его лицу было трудно понять, как он относится к моей речи. Я продолжал:

– Это была случайность. Ребенок в наши планы не входил и не входит. Тем более что Маша должна начать сниматься в сериале.

Олигарх приподнял брови.

– Может, вы и не в курсе, Родион Николаевич. Но вашу девушку на роль не взяли. Хотели, но не взяли.

Вот хитрая сволочь, и это знает, подумал я и, сделав удивленное лицо и стараясь сохранить спокойствие, продолжил:

– Она мне этого еще не говорила, но, даже если и так, это не может повлиять на ее решение прервать беременность. Есть и другие сериалы. – И я запнулся, не зная, что говорить дальше.

Олигарх удовлетворенно кивнул.

– Достаточно, Родион Николаевич. Можете не продолжать. Мне все понятно. Вы – обыкновенный сукин сын.

Я нахмурился. Я, конечно, дорожу своим местом и карьерой, но кто ему дал право меня оскорблять? Но Наум с усмешкой жестом руки приостановил назревающий взрыв.

– Расслабьтесь, Родион, – спокойно проговорил он. – И не прикидывайтесь целкой. То, что вы мне сейчас в несколько завуалированной форме сказали, в переводе на обыкновенный русский означает простую вещь: у меня есть баба, но, если надо, я ее брошу. И в моих словах ничего обидного для вас нет. Может, только констатация факта. Что же касается моего отношения к этой истории, то если вы действительно не собираетесь на этой девушке жениться и не планируете ребенка, то никаких убедительных причин в вашем дальнейшем проживании с ней я не вижу. Кроме любви. Но если нет и ее... А дальше решайте сами. Это не мое дело. Мое дело – Нина. И вот по этому поводу я вам совершенно четко заявляю. – Олигарх, как борец перед схваткой, повел плечами: – Я не позволю просто так кружить ей голову, хотя, ради Нины, и не против ваших встреч. Единственное условие, на котором я настаиваю, это прекращение романа с Машей. Каким образом, меня не волнует. Но я считаю, что вы должны это сделать

максимально интеллигентно и тактично. Или, если хотите, хитро, чтобы она решила, что сама уходит от вас. Я не хочу, чтобы вы увязли в скандалах, и, не дай бог, в это оказалась вовлечена Нина. Продолжайте, если хотите, встречаться с дочерью, но расстаньтесь с Машей. Я даю вам время. А чтобы госпоже Пономаренко не было совсем уж кисло, я обещаю, что ее все-таки возьмут сниматься в сериале.

Ай да Олигарх. Ай да сукин сын. Расставил-таки фигурки. Я достаюсь Нинке (однозначно), Нинка – мне (не факт), а Машке – сериал (без комментариев). Хорошо быть богатым!

Олигарх в упор разглядывал меня, ожидая моей реакции. Но я молчал. А молчание можно расценивать как угодно, и те, кому это удобно, принимают его за согласие, хотя это вовсе не обязательно так. И Олигарх, подождав достаточное, с его точки зрения, время, кивнул и с непонятной грустью философски произнес:

– Родион Николаевич! Вы умный человек и сами держите судьбу в своих руках.

Он подошел к бару и налил нам обоим виски. Аудиенция была закончена.

После этого мне ужасно не хотелось возвращаться на работу. У меня мелькнула было шальная мысль плюнуть на все и завалиться к приятелю Борьке, но в последний момент я удержался. Борька был еще одной странной фигурой в моей жизни. Полудруг, полувраг. Он был художником, и в это время обычно торчал в своей студии. Ничто не мешало поехать к нему и выпить. У его гостей других вариантов не было. Но я не любил с ним встречаться. И года три у него не был. Выпив, он становился мрачен и болтлив, начинал заниматься самокопанием, а заодно копал и закапывал своих приятелей, и меня в том числе. Делал это виртуозно и очень убедительно. В итоге всегда приходил к выводу, что я – сволочь. А потом мы лезли в драку и прилично друг друга метелили. Затем пили снова и звали телок. Но сегодня было не то настроение. Меня уже и так успели назвать сукиным сыном, и за сволочь я уже мог бы и убить. Да и на работе после такого активного отдыха пришлось бы придумывать, что попал в аварию.

Но, наверное, лучше было бы подраться с Борькой, а не возвращаться в офис. Потому что первым делом я попал на ковер к Тимуру. Он требовал доклада о встрече с Олигархом. Поначалу даже не хотел верить и понимать, что мой визит к Науму никак не был связан ни с делами фирмы, ни с ним самим. В конце концов, у меня не оставалось выбора, как терпеливо объяснить перевозбужденному Тимуру, что разговор шел о Нине, и только о ней. Правда, я не вникал в подробности. Но сумел объяснить, что речь о его опале пока не идет, и он с трудом пытался скрыть свою радость. Тимур резонно полагал, что за Нину я получил нахлобучку, и, лицемерно изобразив сочувствие, но в то же время с явным злорадством произнес:

– Родик! Я же тебе намекал. Надо быть осторожнее. Не по Сеньке шапка.

А потом перешел на деловой тон.

– Звонили из «Сибирских дорог». Подготовь документацию. Послезавтра у нас встреча, будем подписывать соглашение.

С ощущением, что меня совсем затюкали, я вернулся в кабинет. Послезавтра – это уже скоро, и значит, у меня будут очень напряженные дни. Я протянул руку к интеркому, чтобы вызвать Генриетту, но в это время зазвонил телефон. Это была Нина.

– Здравствуйте, разлюбезный Родион Николаевич! – игриво начала она, но я не поддержал ее тон.

– Привет, Ниночка! – прохладно ответил я. – Извини, мне сейчас не очень удобно разговаривать, да и в ближайшие дни будет по горло работы.

Я почувствовал, что Нинка обиделась.

– Да? – сказала она. – А я-то хотела опять позвать тебя в гости к тете. Но если ты не можешь...

Я выругался, прикрыв трубку ладонью руки. Вот незадача!

– Ниночка! – уже мягче заговорил я. – Я бы с удовольствием, но, боюсь, мне сегодня придется сидеть допоздна.

Я услышал усмешку на том конце провода.

– Ты, кажется, считаешь, что я смотрю передачу «Спокойной ночи, малыши» и после ложусь спать, – засмеялась она. – Приходи, когда освободишься, дуралей, но сегодня обойдешься без курицы на гриле и зажигания свеч. Можешь рассчитывать на «смородиновку» и бутерброды.

Я совсем не был уверен, что поступаю правильно, но согласился.

– Я приду после девяти. Тебя это устроит? – проговорил я в ответ.

Возня с бумагами меня отвлекла, но и утомила. Наконец я почувствовал, что на сегодня хватит, и со спокойной совестью могу доделать остальное завтра. Посмотрел на часы. Батюшки-светы, было уже четверть десятого, а я даже не удосужился позвонить Нинке. Я уже не говорю о Машке. С той-то было проще. Она знала, что я иногда возвращаюсь поздно, и ужасно ревновала, когда справедливо, а когда и нет, но терпела. Мелкие же разборки со случайным битьем посуды в счет не шли. Кстати, обычно я ей звонил и под каким-то более или менее правдоподобным соусом предупреждал, что задерживаюсь.

Я набрал домашний номер. Телефон долго не отвечал, и я уже подумал, что это ей, а не мне надо оправдывать поздний приход, но, наконец, услышал ее голос.

– Машенция! – сказал я усталым тоном очень занятого человека. – Я тебе не говорил, не с руки было, но у меня здесь совершеннейшая запарка. Мы срочно влезает в грандиозный проект, который курирует сам большой босс. А документацию поручили готовить мне, как будто не могли найти кого-нибудь помоложе. – Я добавил в голос обиженные нотки. – И вот до сих пор сижу с бумагами и глушу кофе вместо того, чтобы быть дома рядом с тобой.

Возникла пауза. Я живо представил, как Машка на том конце трубки сидит и размышляет, насколько мне можно верить, а я даже и не врал. И поэтому она, может, и не полностью, но на эту туфту купилась.

– Не прибедайся, Родион, – ответила она. – Не прикидывайся несчастеньким. Это на тебя не похоже. Ты сам рвался наверх и старался стать незаменимым, так теперь за это и расплачиваешься.

Она помолчала, а потом вдруг по-бабски подозрительно спросила:

– А ты часом не брешь? С тебя станется.

Тон моего ответа был невозмутим.

– Машка, я звоню с мобильного, но рядом рабочий телефон. Хочешь, перезвони на него. Мое сверхчувствительное, прижатое к телефонному аппарату ухо почуяло, что там вдали волнение на море стало утихать. Цунами прошло стороной. И Машка действительно буркнула:

– Ладно. Это я пошутила. Но ты все-таки там не перерабатывай.

Закончив разговор, я тут же стал звонить Нине.

– Ниночка, – извиняющимся голосом сказал я, – я даже не знаю, как мне просить у вас прощения.

И снова, как и в предыдущем разговоре, возникла пауза, правда, несколько напряженная. Дурак, выругал я сам себя. Ведь она подумала: я позвонил так поздно, чтобы извиниться, что не приду. И я сбивчиво залепетал:

– Ниночка! Я, не поднимая головы и не замечая времени, как придурашный, просидел с бумажками и только сейчас понял, что и опоздал, и не позвонил. Но если ты не очень сердишься и не ложишься спать, я буду рад приехать.

Нина довольно долго не отвечала. Мое опоздание и этот звонок явно ей не понравились, но все-таки я услышал:

– Приезжай.

Я купил шампанское и самый дорогой букет цветов, какой нашел. Нинка была в каком-то простеньком коротеньком домашнем платице, знаете, из тех, которые нравятся мужчинам своей способностью обнажать женщин в неожиданных, но очень привлекательных местах. Она обняла меня за шею и легонько дружески чмокнула в щеку.

– Спасибо, очень мило, – вежливо сказала она, взяв цветы. Она понюхала букет, оценив его аромат, и равнодушно отложила в сторону.

– Пойдем, ты, наверно, голодный.

На знакомом столе стояла смородиновая настойка и тарелка с бутербродами. Тартинки, всплыло откуда-то из памяти. С икрой черной, икрой красной, семгой, каким-то мясом. В общем, второй завтрак Олигарха. Нинка вышла на кухню и принесла салат из свежих овощей. Видимо, думала, что моему организму не хватает витаминов. Мы с ней выпили по рюмочке, и я захрустел огурцом, но разливающееся по телу ощущение умиротворения и удовольствия мгновенно исчезло, когда Нина неожиданно попросила:

– Родион, расскажи про эту девушку, Марию. Папа говорил мне о ней.

Тартинка – это вовсе не маленький бутербродик, как написано в словаре. Эта дрянь застряла у меня поперек горла как большой бутербродище. Я с трудом сглотнул и сделал глубокий вдох. Во мне начинала закипать злость. Пытаясь отвлечься на что-то другое, я налил себе рюмку и тут же отодвинул ее прочь. Мои кулаки сжались, и я увидел, как на них испуганно посмотрела Нина. Я постарался взять себя в руки, и это мне почти удалось, но темная глыба гнева затаилась в уголках моего сознания.

– Что ты хочешь узнать? – противно резким голосом спросил я. – Что она некрасивая, горбатая, глупая и стервозная баба? Что мне с ней тяжело живется, и я не знаю, как от нее избавиться? Что она никуда не годится в постели? – Я обличающе указал на Нину рукой. – Ты уверена в себе и ждешь, как твой папа, что я по свистку побегу туда, куда меня позовут подобные вам?

В глазах Нины появились слезы. А я все распаялся:

– Думаешь, все можно купить за деньги? Да? Так слушай.

Я встал со стула и раздраженно заходил по комнате. Нина как-то съежилась и испуганно вцепилась пальцами в край стола. Она молчала. На какое-то время замолчал и я, но потом устало заговорил:

– Я разорву в клочья любого, кто посмеет сказать или только подумать что-то плохое о Маше. Она – самое прекрасное на свете существо, и это чудо, что среди многих более достойных мужчин она выбрала меня. И не она должна бояться, что я ее брошу, а я, что она меня.

Я снова помолчал, колеблясь, продолжать или нет, и решил, что уже нет смысла.

– Я ответил на твой вопрос? Или ты хочешь лично с ней познакомиться?

Нина не отвечала. Я ждал, что она сейчас расплачется. Но этого не произошло. Она встала и подошла ко мне. Казалось, она ждет от меня еще каких-то слов, но я не знал, каких. Так мы и простояли несколько минут рядом. Такие близкие и такие далекие. Я отвел от нее взгляд, таращась в окно, а она внимательно следила за моим лицом, ожидая чего-то мне непонятного. А потом ее глаза вдруг прояснились, и на лице мелькнула тень улыбки, хотя я так ничего нового из себя и не выдавил.

– Родион! – начала она со странными нотками удовлетворения в голосе. – Ты все-таки дурачок. Такой большой, со строгим взглядом, сильный, но дурачок. Обыкновенный дурак.

Ее папа назвал меня обыкновенным сукиным сыном, она – дураком. Интересно, это – прогресс или регресс? А Нина чему-то вдруг вообще обрадовалась и почти крикнула:

– Ты просто кретин. Неужели я бы поверила, что твоя девушка стервозная уродина? Неужели ты думаешь, что я рассчитываю на папины капиталы, а не на саму себя? Неужели ты действительно считаешь меня наивной девчонкой, полагающей, что молодой интересный мужчина не может иметь другую женщину, не посоветовавшись со мной или моим папой? Поверь,

мне стало бы намного более мерзко, если бы ты на самом деле стал поливать свою Марию. Но ты этого не сделал, и слава богу. Как и не сделал еще одну вещь...

Не скрою, меня речь Нины сильно запутала. После своего короткого спича я не исключал, что меня погонят из этого дома поганой метлой и нажалуются еще потом Олигарху, а она вроде клонила к чему-то другому. И я уцепился за ее последнюю фразу.

– Так что же я не сделал?

Нина грустно улыбнулась.

– Ты не сказал то, что я больше всего по-женски боялась услышать. Не сказал, что ты просто ее любишь.

Она подошла ко мне совсем близко. Я чувствовал касание подола ее платица. Она беззащитно и требовательно смотрела на меня.

– Повторяй за мной, – приказала Нина. – Мария – самая прекрасная женщина на свете.

– Мария – самая прекрасная женщина на свете, – повторил я.

– И я ее люблю, – четко выговорила Нина.

– И я... – начал было я и запнулся. Я не сумел продолжить.

Нина довольно долго ждала продолжения, а потом снова улыбнулась.

– Я же говорила, что ты – дурачок, – и она легонько, как в тот раз, поцеловала меня в губы. – Пойдем обратно за стол, пора выпить теткиной настойки.

Ночь я провел в ее постели. Хотя, наверно, все-таки в теткиной. Стыдно признаваться, но я поначалу трусил. Боялся близости с Ниной. Я вообще страшусь первого контакта с новой женщиной. Не люблю разочарований. И не хочу быть просто придатком раздражаемого желанием причинного места. Для удовлетворения его потребностей достаточно обыкновенных шлюх. А мне нравится, когда женщине нравится. Когда она пользуется мной так же, как я пользуюсь ей. А для этого ей просто надо быть естественной. Мне неприятно ощущение, что партнерша «отматывает» или старается как лучше. С Нинкой же оказалось на удивление легко. В ней не было излишнего жеманства, она не изображала из себя гимназистку и не заставляла меня возиться с ее лифчиком. Она просто каким-то непонятным образом растворилась во мне. Не буду врать, я невольно сравнивал ее с Машкой, но та была совершенно другой. Такой же прекрасной, но другой. Агрессором, доводящим тебя до иступления. Именно с ней я иногда понимал, что плетка тоже может быть предметом эротических игр, хотя ко всем этим кожанорокеровским атрибутам из секс-шопов относился с юмором. А Нина не была агрессивной, она напоминала чистый озорной ручеек на пути усталого путника, чьи струйки нежно ласкали и утоляли жажду. Видите, меня довели-таки до состояния поэтических образов.

Я, понятное дело, проснулся невыспавшимся, но довольным. Скоро надо было двигать на работу, и Нинка затеяла готовить мне завтрак. Но я отказался. И попросил только чашку чая покрепче. Мы сидели, не разговаривая, и прихлебывали горячий напиток. Нинка робко улыбнулась мне и сразу погрустнела. У меня тоже вдруг испортилось настроение. Праздник кончился. Казалось, сам воздух в комнате постепенно стал сгущаться от совершенно закономерных и неприятных вопросов, возникших после этой ночи. А мне еще надо было объясняться с Машкой. Нинка понимающе на меня посмотрела.

– Родик! – Я вздрогнул, она назвала меня точно так же, как Машка. – Знаешь, я ни о чем не жалею. И это была, может, самая лучшая ночь в моей жизни, но я чувствую себя сволочью.

Я неопределенно пожал плечами. Мне не хотелось в этом сознаваться, но я чувствовал себя точно так же. Однако разговор поддерживать не стал.

Мы уже стояли у входной двери. Нина поцеловала меня на прощание и погладила по плечу. Я уже повернулся уходить, как она сказала:

– Родик! Я знаю, что твоя Мария беременна. И желаю ей только счастья. Но в том, что я встретила с тобой, ни моей вины, ни злого умысла нет. И считаю, что у меня такие же права

бороться за своего мужчину, как и у нее. Но я не воюю с беременными женщинами. Если она собирается сохранить ребенка, нам придется расстаться. Твоему сыну или дочери нужен отец.

И Нина, заплакав, вытолкнула меня из квартиры.

Из машины я позвонил Машке. К счастью, она еще была дома. Я вяло соврал, что засиделся на работе допоздна и так и переночевал на кушетке в комнате отдыха, потому что сил ехать домой уже не было. Вставать-то уже к восьми.

– Я тебе звонила около двух ночи, – с сомнением протянула Машка. – Ни твой мобильник, ни рабочий телефон не отвечали.

Я попытался себя встряхнуть. Попадаться на вранье было нельзя. А угрызения совести вещь неприятная, но распространенная, и с ними вполне можно жить. Они вовсе не повод сознаваться одной любовнице, что провел время с другой.

– Маш! Это все глупо, – сказал я. – Я тебе сейчас звоню не из офиса, а из машины (ложь всегда надо разбавлять правдой). Я спустился за зарядным устройством, потому что забыл его взять с собой, а батарейка телефона села. Я обнаружил это только утром, и сейчас звоню и параллельно заряжаю. А в комнату отдыха вообще нельзя позвонить. Так что я и думать не мог, что ты мне названиваешь.

Не знаю, поверила она мне или нет, но сказала:

– Ладно, чего уж там. Хоть сегодня приходи пораньше.

Но и в этот раз я пришел поздно, хотя не только не виделся с Ниной, но даже не разговаривал с ней по телефону. Снова пришел засидеться из-за этих чертовых «Сибирских дорог». Машка откровенно на меня дулась, но вопросов не задавала. Видимо, считала это ниже своего достоинства. Она сердито фыркнула, как кошка, когда я, наконец, заявился около девяти вечера, и процедила сквозь зубы:

– Ужин готовить не стала. Не знала, появишься ты или нет. Решила, что снова собираешься «переночевать на кушетке». Несколько странное имя у твоей бабы.

Я устал, и до меня не сразу дошла ее шпилька, а Машка продолжала себя накручивать:

– И не смей мне снова рассказывать какие-нибудь байки про срочную работу. Или, как в прошлый раз, про проект, который на тебе висит. На тебе висит только одна вещь, и та между ног.

– Ну, это далеко не всегда, – философски заметил я и получил подзатыльник. Я возмущенно отпрянул.

– И ты на меня свои волчьи буркалы не тарашь, а то еще огребешь, – угрожающе произнесла Машка. Я тут же сделал умильную физиономию.

– И овечкой тоже не вздумай прикидываться, – с не меньшей угрозой прибавила Маша.

Я недоуменно развел руками. Что ж, мне просто столбом стоять? А я еще и не жравши.

– Маш! – взмолился я. – А в туалет хотя бы можно? По-маленькому. Знал бы, что ты такая сердитая, то точно бы эту чертову «колу» не пил. А сейчас, глядишь, и совсем доведешь меня до детского греха.

Машка хотела что-то зло ответить, но передумала и махнула рукой.

– Черт с тобой. Иди.

Мне, кстати, действительно хотелось в туалет, и я, не теряя времени, рванул в нужном направлении. Я с облегчением справлял малую нужду, когда из коридора раздался ехидный голос Машки.

– Родик! Отгадай загадку. Не жравши, а сыт. Знаешь, кто это? – Маша выдержала достаточную паузу и радостно добавила: – Это ты, Родик.

Ужинал этим вечером я пельменями, но спал все-таки с Машкой, которая хотя особых вольностей мне не позволяла, но все-таки дала себя обнять. И то хлеб.

На следующий день мне суждено было подвергнуться, выражаясь юридическим языком, длительному психотравмирующему воздействию. Я только жалел, что не могу никого убить, хотя и хотелось, ведь меня в моем состоянии точно бы оправдали. Вначале моей крови попил Тимур. Во время уже по сути формальной встречи с «Сибирскими дорогами», требующей обмена дружескими улыбками, легкого движения пером в графе «подпись» и торжественного распития шампанского, он стал критиковать проект и разговаривать с представителями их правления как с мальчиками с улицы. Идиотизм заключался в том, что все было заранее решено и обговорено, и ничего от мнения Тимура не зависело. Единственное, что можно было бы ждать от этой чистой воды провокации: «Сибирские дороги» возмутятся и откажутся от сделки. На что, похоже, и рассчитывал Тимур. Но до развода дело не дошло. Сибиряки от меня знали, что дело под контролем у Олигарха, а раны на их уязвленном самолюбии были не смертельны.

А вечером я повез перепуганную, вцепившуюся в мою руку Машку в больницу. Наступило время делать аборт.

Я сдал Машку докторам и приготовился к долгому ожиданию, но через какое-то время она вышла ко мне.

– Родик! Они нашли, что у меня немного повышено давление, а это плохо при беременности. Они предлагают мне остаться до завтра понаблюдаться, а затем уж все делать. Так безопаснее, говорят они.

Я забеспокоился.

– А что? На самом деле высокое давление?

Машка успокаивающе покачала головой.

– Да нет. Пустяки. Сто сорок на сто. У моей мамы почти всегда такое и не снижается, и хоть бы что. Чувствует себя совершенно здоровой, а ей уже 64. Наверно, доктора перестраховываются.

Или «бабки» накручивают, подумал я, но вслух произнес:

– Слушай, Машенция. Раз приехали, то дело надо доводить до конца. Врачи лучше нас понимают в своем деле. Если говорят, что давление необходимо стабилизировать, значит, надо их слушаться.

Машка нервно засуетилась.

– Родь! А я ведь ничего не приготовила, чтобы в больнице оставаться. Подружки сказали, что быстро это, и через несколько часов домой отпускают. У меня ни зубной щетки нет, ни прокладок.

Я засмеялся. Мне от того, что аборт отложили, почему-то стало легче. Да и вообще хорошо, что нашлось какое-то занятие. Типа сгонять ей за шмотками. Все-таки какое-никакое дело. Отвлекусь, глядишь, от мыслей дурацких.

– Ерунда, Машенция. Ты мне списочек напиши, я съезжу и барахло привезу, а заодно и соки какие-нибудь, фрукты. Ты только скажи.

В итоге Машка осталась в отделении, а я, притащив ей вещей и еды, которых могло бы хватить на неделю, вернулся домой.

На душе было муторно. Было неприятное ощущение, что я что-то сделал не так, а содеянного не вернешь. Я тупо смотрел телевизор и, почти ничем не закусывая, пил водку. Мне несколько раз звонила Машка и говорила, что у нее все хорошо. Но ее фальшиво бодренький тон разрывал мое сердце. Наверно, я много выпил, потому что мне захотелось плакать. Я кое-как перекаптался, ворочаясь на диване, до утра, а потом стал названивать Машке. Она сказала, что давление улучшилось, и аборт будут делать во второй половине дня. В этот день я был не очень занят на работе и из-за Машки отпросился пораньше. К моему удивлению, она была дома. Маша была бледна, а под глазами отчетливо виднелись синие круги.

– Ты что, сбежала из больницы? – удивленно спросил я. – Разве тебе не надо было еще понаблюдаться, особенно при твоём давлении?

Машка как-то затравленно на меня посмотрела. В её глазах попеременно отражались то отчаяние, то решимость. А потом её как будто прорвало.

– Родик! Ты понимаешь, – заговорила она, – я просто не смогла это сделать. Я честно все время уговаривала себя, что поступаю правильно. Что в моем животе пока находится не ребенок, а только аморфный комок биологической ткани. Что так будет лучше для всех. И для тебя, и для меня. Я подписала все бумаги. Меня уже привезли в операционную и собирались сделать обезболивающий укол, но я не дала. Не дала, и все... Планировала я это или нет, но бог дал мне шанс родить человека, моего ребенка, и я оказалась не готова от него отказаться. Да и вообще, кто знает, смогла бы я после аборта забеременеть вновь?

Она всхлипнула и на какое-то время замолчала.

– Ты даже не представляешь, – снова заговорила она, – как они все там вдруг засуетились и начали меня уговаривать не отказываться и даже пугать тем, что уплаченные деньги возврату не подлежат. Так, по мне, засунули бы они их себе в одно место.

Деньги вообще-то были мои, но кто считает, подумал я. Мне и на самом деле было на них наплевать. Не та эта сумма, ради которой я бы стал бодаться. Но при всем моем нежном и терпеливом отношении к Машке, меня очень смущала перспектива стать отцом. Это совсем не входило в мои планы. Мне было хорошо и удобно с ней, хотя я уже начал видеть в нашем союзе ущемление своей свободы и прав. Признаю, она – чудесная баба, но не моя. Не моя, и точка. Я ей не мешаю и ни в малейшей степени не контролирую её жизнь вне пределов моей квартиры. Я не собираюсь это делать и впредь, но в ответ требую уважать мои интересы, в которые не входят памперсы и плач по ночам.

С моей точки зрения, моя логика была безупречной, но толку от этого было ноль. Я не знал, что делать. Может, лучше всего было её просто прогнать. Пусть живет сама, как хочет. В конце концов, она была бы не единственной в мире матерью-одиночкой. Да и с голоду я бы умереть ей не дал. Меня можно упрекать во многом, но не в жадности. Кстати, уход от меня мог бы помочь ей одуматься. Время изменить решение и сделать аборт еще было. Максимум, приплатил бы еще.

Но в результате я смалодушничал и начал Машку утешать и успокаивать. Причем делал это искренне. Мне её было ужасно жаль. Без вранья. Я убаюкивал её и в итоге убаюкал какими-то ласковыми словами, хотя темы нашего дальнейшего будущего принципиально не касался.

В тот вечер мы были максимально нежны друг с другом, а когда легли спать, она буквально прилепилась ко мне, и я почувствовал, как её слезы увлажнили мою грудь. Не знаю, спала ли она той ночью или только делала вид, но я долго не мог найти себе место и заснул лишь под утро.

Люди – странные существа, и их способность мимикрировать и максимально оттягивать решение неприятных проблем беспредельна. Мы с Машкой сделали вид, что проблемы нет, или что её решение может еще потерпеть. Приняли позу страуса. Голова – в песок, зад – кверху. В конце концов, рожать-то ей не скоро.

Так прошла неделя. Сроки прерывания беременности потихоньку поджимали, хотя еще и оставалось время. Машка никакого интереса к теме не проявляла. А я не настаивал. Вместо этого мне пришла в голову, как тогда показалось, замечательная идея переменить на какое-то время обстановку.

Я с друзьями каждый год в конце декабря ездил на пару недель в отпуск, в глухомань, в лес к дядьке. Там мы отдыхали, полностью оторвавшись от цивилизации. Обычно баб мы с собой не брали, но в этот раз я решил, что, может, настало время сделать исключение.

Дядя Гриша – это отдельная история. Хотя никаким дядей я его сроду не называл. Он был старше меня всего на десять лет. Младшенький у деда. Последыш. Любимец и балабол. Оторва.

Мои дед с бабкой относились к деревенской, если можно так выразиться, интеллигенции. Дед был бухгалтером, а бабка заведовала сельпо, и они оба с большим пиететом относились к образованию. Их не волновало, что жизнь доказывала нечто обратное: диплом обеспечивает лишь мизерную зарплату и никчемную работу. Они же, вопреки логике, спали и видели, что их сын поступает в институт и успешно его заканчивает. Моя мать, его старшая сестра, окончила инженерно-строительный техникум, что было высоко оценено и родителями, и односельчанами. Но она была женщиной, ей сгодился и техникум, а для сына дед с бабкой на меньшее, чем на институтский диплом, согласны не были.

Гришка же рос духарным парнем, здоровенным бугаем, похожим на обаятельную гориллу, за которым бегали все девки в радиусе пятидесяти километров. Он, в общем, был похож на деда, которого, как я упоминал, боялись и считали колдуном. Только глаза у Гришки были добрее. Дед, уж если на кого строго смотрел, так тому нужно было сразу бежать искать туалетную бумагу. Хотя, по сути, мне неизвестно ни одного факта, чтобы он кому-либо причинил вред. Да ему и не надо было. И так в его присутствии возникало непреодолимое желание поджать воображаемый хвост.

Я его по-своему любил, потому что он многому меня научил, часто со мной играл и, как я понял потом, старался следить, чтобы меня случайно не напугать. Я, понятное дело, как и все дети, в глубине души верил в колдунов, чертей и ведьм, хотя подобно остальным лицемерно заявлял, что никакой нечисти не существует. И однажды, когда подросток и мы с дедом пошли в лес за грибами, я напрямую спросил:

– Дед! Правда, что ты колдун?

Он остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Конечно же, нет, дурачок.

Я не без разочарования вздохнул.

– Я так и знал. Колдунов не бывает.

Дед усмехнулся:

– Не бывает, говоришь? Ну, один фокус, глядишь, я тебе покажу. Ты волков-то когда-нибудь вблизи видел?

Я пожал плечами. Конечно, видел. Я же был в зоопарке.

Но лицо деда стало немного странным, и он продолжал настаивать:

– Я имею в виду не волка в клетке, а живьем.

Я отрицательно покачал головой. Естественно, нет. Но, честно говоря, и не очень-то хотелось.

Видимо, тень испуга была заметна на моей физиономии, а дед чуть злорадно улыбнулся.

– Уже малость труханул? Не бойся, с тобой ничего не случится.

Его лицо, как и страшноватые глаза, неуловимо изменились. Боже, да ведь это взгляд хищного зверя, вдруг сообразил я.

Какое-то время ничего не происходило, хотя лес, казалось, затих. А может, мне это померещилось с перепугу. Но потом бесшумно раздвинулись ветви растущих рядом со мной кустов, и оттуда вышли два волка. Я не знаю, были ли они взрослыми хищниками или щенками, самцами или самками, но оба показались огромными пугающими монстрами. Они молча посмотрели на деда, а затем, не отрывая взгляд, как по команде, по-собачьи сели. Ближайший ко мне ощерил клыки, и из пасти закапала слюна.

Я стоял ни жив, ни мертв. Этот же волк поднялся и шагнул ко мне. Он стоял, почти касаясь меня носом, и внимательно меня разглядывал. Краем глаза я заметил, что дед тоже изучающе на меня поглядывает, не делая никакой попытки прийти на помощь. Станным образом

страх вдруг отпустил меня. Возможно, просто потому, что и страху есть предел. Я сел, почти рухнул рядом с волком, который даже не пошевелился, а затем легонько, как собаку, погладил его по шерсти. Просто большой, живущий в лесу пес, подумал я.

Выражение глаз деда изменилось. В них мелькнуло удивление и тень удовлетворения. А волки одновременно встряхнулись, юркнули в кусты и скрылись.

В тот день мы уже больше не разговаривали в лесу. Может, потому, что грибов попало навалом, и мы наперегонки набивали корзины. А уже дома, когда с гордостью водрузили трофеи на кухонный стол, дед, обращаясь к бабке, вдруг произнес фразу, которую я тогда не понял:

– Генетика, мать, все-таки продажная девка империализма.

Григорий, хоть и родился сильно похожим на деда, был помягче. Не такой суровый. Видно, от бабки немало унаследовал. Та хохотушкой была, но с дедом особенно не похожечешь. Не располагало общение с ним к смеху. Но, нечего сказать, любил он ее крепко. А она – его. Так вместе и прожили, несмотря на несходство характеров, всю жизнь, да и умерли почти одновременно. На два месяца она его пережила.

Гришка, в общем, всю родительскую мутотень про образование близко к сердцу не принимал. Сообразительный он был, хваткий. На твердую четверку всегда башка варила. Да и школа-то была простенькая, деревенская. В ней преподаватели летом траву для коз косили. В итоге закончил он свои десять классов и спокойноенько, даже не без интереса, отправился в армию. Хотя в семье толком так никто и не узнал, как он служит. Знали, что в танковых войсках, получали регулярно письма с приветами, а время от времени и фотографии. Мама, батя, поглядите – это я с моим корешом Васей из Козодрюпинска. Короче, отслужил, как полагаются, не жалуясь. А вернувшись, как бы и отбросил эти два года за ненадобностью. Но в одном поумнел. Учиться все-таки нужно, и Гришка в гимнастерочке, только с дембеля, пошел поступать в инженерно-строительный. Видимо, решили с сестренкой, то бишь мамой моей, положить начало династии зодчих. Но, самое интересное, увлекся учебой и стал хорошим инженером. А после и по работе стал продвигаться как надо. У него, деревенского парня, были все преимущества. Его всемирная славяно-интеллигентская тоска по всеобщей справедливости не мучала. Авторитарный коммунистический режим не беспокоил. А издают в стране Солженицына или нет, ему было по барабану. Поэтому он покладисто и не принимая близко к сердцу участвовал в комсомольской жизни, организовывал субботники, оформлял «комсомольские прожекторы», другими словами, занимался всякой чушью, четко понимая, что это может способствовать продвижению по службе. Хотя уйти на комсомольскую работу со всеми вытекающими из этого преимуществами отказался. За что прослыл среди комсомольских вождей местного значения дурачком, но безобидным. Сам он так характеризовал эту свою общественную деятельность:

– Родька! Понимаешь, я мог еще терпеть, когда тошнило, но когда уже блевать настало время, не выдержал.

А на четвертом курсе он встретил свою Олю. И гулевому Гришке пришел конец. Я как раз был в противном ехидном подростковом возрасте и не без презрения наблюдал, как мой крутой дядя превращается в сущего агнца. Только блевать разве что не начал. Хотя Ольга, чего греха таить, была красивая девчонка и свой парень. В итоге сразу после института они поженились и начали устраивать свой быт. Их жизнь была типичной для того времени. Вначале комната в общежитии, потом период съемных квартир, затем снова комната, но в коммуналке. И это длилось годами, пока уже заматеревший Гришка не получил приличный пост в строительно-монтажном управлении в системе МПС и не стал обладателем двухкомнатной квартиры. А потом появились и свои сотки для садового участка.

И все было бы хорошо. И жили они, ничего не скажешь, душа в душу. И дом был полная чаша, но вот только детей у них не было. Они обошли всех медицинских светил, шаманов и

экстрасенсов, но безрезультатно. Оля была бесплодна. Погоревав, они через какое-то время успокоились и решили жить для себя. Гришка вообще мужик рукастый, а тут затеял на своем участке суперстроительство. Мама дорогая! Сделал исключительно своими руками не домик, а игрушечку. Теремок. Причем еще в те застойные времена.

А потом свалилась беда. У Ольги нашли рак груди. Ее прооперировали, сделали химиотерапию, и болезнь, казалось, отступила, но через три года после операции Ольга вдруг потеряла сознание. Это был эпилептический припадок, проявление метастазов в головном мозге. И снова лечение, курс лучевой терапии и спокойный бессимптомный период длиной в год. А потом – снова... Метастазы были везде. Через месяц Оля умерла. И Гришка запил. Он бросил свою престижную работу и закрылся у себя в квартире. Я знал, что он пьет, но считал, что переболеет. Я не подозревал, насколько все плохо. Как-то мне позвонила мать и сказала, что Гришу надо спасать. Я поехал к нему. Дверь квартиры была не заперта. И бог ты мой, что я увидел. Он умудрился распродать часть вещей, а сам лежал грязный, заросший и вонючий, как будто не мылся месяц. Может, так оно и было. Брезгливо морщась, я раздел его и силком засунул в ванну. Грязные вещи бросил в стиральную машину. С большим трудом разыскал чистую простыню, в которую завернул его. Гришке было наплевать. Он не сопротивлялся, но и не помогал. Его голова и руки тряслись, он был в тяжелом похмельном состоянии. То ли от этого, то ли от холода после ванны он трясся, стучал зубами и бормотал:

– Родька! Ни к чему все это. Ольки нет, значит, меня тоже нет.

Я глянул на часы и прикинул, что в течение ближайших пятнадцати минут с Гришкой, наверно, ничего не случится, и пулей вылетел из дома. Я купил чекушку и какую-то закуску и мигом прискакал обратно. Слава богу, он так и лежал там, где я его оставил. Я налил ему рюмку. Он жадно выпил и попросил еще. Я дал еще. Его дрожь поутихла, а взгляд стал менее мутным.

– Родька! Ты – хороший парень, – упрямым тоном проговорил он. – Но это все зря. Мне жить ни к чему.

Я остался у Гришки на несколько дней. На работе я попросил отпуск, а мама привезла мне и брату еду и барахло. Так мы и жили, почти не разговаривая друг с другом, от порции до порции водки, которую я ему наливал, когда видел, что он начинает загибаться. Но дозу все время старался уменьшить. Наконец, он сказал:

– Родя! Ты все равно мою жизнь со мной не проживешь, так что живи лучше свою. Ты уже помог мне. Это точно. Я взял, благодаря тебе, тайм-аут. А теперь уходи. Если выкарабкаюсь, то выкарабкаюсь. Если – нет, значит, не судьба.

Гришка выкарабкался, но на работу не вернулся. Он продал и квартиру, и садовый участок с домиком, выручив на этом немалые деньги. Мы, его родня, не без опаски размышляли, что же будет дальше. Но, когда он какое-то время после оформления сделки пожил у меня, я с облегчением увидел, что это, хоть и помрачневший и где-то надломленный, но мой дядя Гриша.

А потом он уехал. Как он выразился, чтобы вернуться к корням. Выяснилось, что отправился в деревню деда. Это было странно. Там ведь уже давно никого из наших не осталось, да и дом кому-то продали за гроши. После Гришка неожиданно пропал. Мать снова заволновалась, и мне пришлось на выходные скатать за ним. А это, на минуточку, триста километров туда, триста – обратно.

В деревне почти никого из знакомых не осталось. Старики поумирали, молодые разбежались. Были какие-то новые городские, захотевшие вернуться в лоно природы, и так называемые вынужденные переселенцы. В конце концов, по чистой случайности мне попался дед Кузя, который, похоже, был вечен. Во всяком случае, молодым я его не помню. Бодренький и как обычно в меру выпивший, он попался мне на улице. Отговорив положенные по этикету

слова, принятые у сельчан при встрече, я спросил про Гришку. Тот понимающе поднял брови и закудаhtал:

– Ты, понимаешь, Родион, дядька твой, надо сказать, умом тронулся. Приехал смурной, сердитый. Ни «здрате», ни «до свидания», ни по рюмочке. Просто взял палатку и свалил в лес. И пропал. А лес-то у нас коварный. Ты и сам помнишь. Даже нашенские иногда блуждают в нем. Решили мы даже идти его искать, да он сам явился. И давай мужиков подбивать с ним идти. И денег посулил.

История становилась интересной.

– И на что же ему там мужики?

Кузя удивился.

– Как на что? Избу он там задумал себе построить...

Я вытаращил глаза.

– Вот и я говорю, – крутя ладонью у виска, продолжил Кузя. – Кондрат, не иначе, к нему поздороваться зашел. Избу он, видите ли, строит. Отшельник хренов.

– А где строит-то?

– А помнишь старую дорогу на лесозаготовки? Так вот уже ближе к Юрьевскому болоту, где-то с километр в сторону. Вон там, говорят.

Я, по-честному, успокоился. Все-таки дядька, хоть умом и тронулся, но живой. Но в лес я за ним не пошел. И время поджимало, чтобы в тот же день успеть вернуться, да и перспектива остаться на ночь ночевать в палатке не очень прельщала. Если дядька цел, то объявится, рассудил я. Так оно и произошло. Где-то через пару недель он позвонил матери и, не вдаваясь в подробности, доложил, что у него все в порядке, а потом и вообще регулярно стал позванивать.

Прошло чуть меньше года, и у меня раздался звонок. Это был Гришка. Приезжай ко мне на новоселье, позвал он. Мы договорились о дне, и я поехал.

Гришка выглядел хорошо. Он высох и подзагорел, потеряв городскую рыхловатость. Из глаз почти полностью исчезло тоскливое потерянное выражение. Мы обнялись, похлопав друг друга по плечу. Мою машину загнали во двор к Кузе, чтобы присмотрел за ней, и, оставив тому, как средство от скуки, пару бутылок водки, сами пересели в какой-то старый рыдван. Кому он принадлежал, я понятия не имел. Гришка усмехнулся.

– Тут, когда колхоз развалился, много барахла ненужного осталось. Его, наверно, и продать можно было бы, да кто за ним сюда поедет, а потом отсюда повезет. Дороже обойдется. А мне как раз, кстати. И «козел» этот, и электрогенератор. Я их до последнего винтика перебрал, починил, почистил. Теперь еще век послужат.

Какое-то время мы ехали по лесу моего детства, и запахи хвои неожиданно вновь превратили меня в мальчишку с корзинкой, рыщущего в поисках грибов. Я затряс головой, чтобы избавиться от наваждения. Гришка свернул. Этот лесной тракт я не помнил. Да и выглядел он нестарым.

– А это еще что такое? – спросил я.

– Дорога к моему дому, – гордо ответил Гришка. – Ящик водки пацанам, и три дня бульдозер в моем распоряжении. Вот и пропахал.

Дорога, конечно, не ахти, но проехать было можно.

Мы подъехали к большому деревянному срубам. Рядом виднелся крытый колодец, а чуть в стороне сарай и туалет типа сортир. Все было сделано нарочито грубо, и, похоже, в этом был определенный художественный умысел.

Дверь вела в просторную комнату с русской печкой и газовой плитой. Ее стены были теми же шершавыми и сучковатыми бревнами наружной стены. Кругом висели и вкусно, чуть таинственно пахли пучки сухих листьев и трав. К двери во внутренние комнаты был прислонен

огромный топор, а на стене висело ружье. Ни дать ни взять жильё страшного средневекового татя.

Но внутренняя часть дома была другой. Маленький коридор вел в две, по разные стороны, большие комнаты. Все было чисто и обшито дранкой. У стены стоял музыкальный центр, телевизор и DVD. Были также современные туалет, кухня с газовой плитой и душ, отапливаемые колонкой. Не так уж Гришка отказался от комфорта и благ цивилизации, подумал я.

Мы посидели, выпили, помянули Олю. Гришка угощал меня каким-то вкусным мясом. Я поинтересовался, что мы едим.

– Нутрию, – спокойно ответил тот.

Я не поперхнулся, но выругался.

– Твою мать, мог бы и предупредить.

– А что предупреждать? – возмутился он. – Если вкусно, так вкусно, как ни назови. Скажи спасибо, что не человечина.

Я с опаской поглядел на него и перевел взгляд на топор. Все-таки он – дедушкин сын...

А Гришка, черт, только рассмеялся.

– Ах ты, Родька, Родька. Дурная голова с дурными мыслями. Нутрий я развожу. На шкурки и мясо. А еще у меня есть куры. Хочу и поросенка завести.

Он помолчал.

– Знаешь, пойдём-ка, посидим снаружи. Хорошо там сейчас.

Мы взяли бутылку и стаканы и сели на лавочку возле избы.

Я не задавал вопросов, но Гришка начал сам.

– Славно мне здесь. Спокойно. Один воздух чего стоит. Вот так вечером выйду, сяду и гляжу на небо. Где там Олька? Только раньше я к ней хотел, а теперь чувствую, смотрит она на меня оттуда, а к себе не зовет. Живи, говорит, сколько положено, а дурные мысли свои выкинь.

Я чуть поежился. Странно все это было. Хотя, если таким образом дядька нашел себе успокоение, то пусть лучше так, а не иначе. Лишь бы с «голосами» не начал разговаривать, как Кеша, мой сосед, шизофреник.

И все-таки, от греха, я постарался перевести разговор на другую тему.

– Гриш! А ты не боишься здесь один? Сейчас от замороженных полно. И кругом почти все пришлые. За бутылку человека грохнут, а у тебя, поди, по местным понятиям целое состояние.

У Гришки на лице появилось странноватое выражение.

– Ты помнишь, что деда колдуном считали?

Я кивнул, а он продолжил:

– Так вот, его, точнее память о нем, я должен благодарить за свою спокойную жизнь. Я, когда сюда приехал с идеей дома в лесу, знал, что одному мне не обойтись. И сколотил шабашку из мужиков. Частью из старожилов, частью из пришлых. А тем – только на радость. Деньги, как ты понимаешь, у меня были, платил я нормально. Другой-то работы тут нет, все только огородами да случайными заработками перебиваются. Но, когда строительство к концу пошло, точь-в-точь твоя мысль у меня в голове и мелькнула. Грохнут ведь меня ни за синь порошу и разворуют все. А хватиться меня никто и не хватится. И тут возникла одна идейка. Работал у меня некий Вадик из Казахстана. Хороший парень, но алконавт отменный. И он как-то по пьяни сломал ногу. Упал в лесу, а потом еле до деревни дополз. А нога не так сраться стала. Оперировать надо было или калеккой оставаться. А куда ему быть калеккой? Он и так еле-еле с семьей перебивается. Короче, ему еще и деньги на операцию понадобились. Я ему и предложил. Вадим, говорю, денег я тебе дам, но с условием. Да что угодно, Григорий Захарович, отвечает, только помоги. Я ему и объясняю. Тебе, Вадик, особенно ничего делать не надо, а только историю рассказать. Мол, хотелось тебе как-то сильно выпить и пошел ты ко мне денег попросить. Смотришь, а меня дома нет. Вот и решил ты что-нибудь из избы дернуть и продать. И только в окно начал лезть, как вдруг слышишь тихий такой вой сзади. Глядишь,

а там волчище ростом почти тебе по плечо. Ты, знать дело, труханул и деру, а волк за тобой, и как бы пасет тебя. Ты в сторону, и он в сторону, ты останавливаешься, и он останавливается. Короче, ты в яму-то упал да ногу и сломал. А волк подошел и – пасть к шее, да как зарычит. Ты уж думал, что конец тебе, но волк, словно зов какой услышал, головой покрутил и убежал.

Так мы с Вадиком и порешили. Его благополучно прооперировали, и он пошел на поправку. И начал на каждом углу травить эту историю. Народ вроде поначалу посмеивался, а потом дед Кузя вдруг на добровольных началах стал масло подливать в огонь и про моего отца-колдуна байки рассказывать. Да и жутковатые какие-то. Гляжу, а в деревне на меня стали косо и с опаской поглядывать, – Гришка засмеялся. – Все-таки не зря я в молодости «Комсомольский прожектор» оформлял. Не пропала школа. Сработала «агитка». Я теперь – колдун, Родя. Меня грабить и убивать не придут.

В тот день мы легли поздно, но проснулся я рано и совершенно свежим. Может, чистый воздух и на самом деле подействовал.

Гришка уже встал. Я вышел на крыльцо и застал странную сцену. Дядька стоял недалеко от колодца, как-то вытянувшись и повернувшись ко мне спиной. Поэтому глаз его я разглядеть не мог. Рядом с ним сидели, преданно на него уставившись, два волка. Обе зверюги как-то размеренно и в такт покачивали головами, как будто соглашаясь с тем, что мысленно говорил им Гришка. Услышав звук моего движения, один из волков повернулся. Его шерсть вздыбилась, и он, угрожающе пригнув голову к земле, двинулся в мою сторону. Но, подойдя ближе, сел на задние лапы и вопрошающе на меня посмотрел.

А я, как и тогда, в детстве, ужасно испугался, но одновременно понял, что за моим страхом прячется странная, но кажущаяся верной мысль, что волк для меня не опасен, и он просто пытается меня понять. Естественно, как объясниться с ним, я не знал, но, преодолев испуг, его погладил.

Гришка с интересом на меня посмотрел.

– Значит, и ты такой же... – полувопросительно проговорил он.

– Это ты – тоже, а не я, – чуть раздраженно сказал я. – А я обыкновенный.

Гришка заржал так, что волки шарахнулись и удрали. Видимо, он все-таки что-то им на неизвестном мне языке нашептал.

– Рассказывай, обыкновенный. Вот уж не думал, что батяня и тебя посвятил. А я-то, дурак, гордился, что только меня. Из наших баб-то точно никто не знал, что он с волками умеет общаться. Ни мать, ни сестренка. А я еще чёрт-те сколько времени потратил, пока не научился с этими зверушками ладить. Эта способность, Родя, кстати, еще одна причина, почему я здесь никого не боюсь. Кого мне бояться с такой охраной? Да и тебе, видать, в лесу страшиться некого.

– Так твоя история про Вадика – правда? – живо заинтересовался я. – Ты, значит, деньги-то ему не за так дал. Совесть, наверное, замучила, отмазаться решил.

– Дурак ты и уши холодные, – рассердился Гришка. – Завиральная эта история от начала и до конца. – Он помолчал. – Хотя, чего греха таить, теоретически возможная.

В общем, я неплохо провел те дни с Гришкой, а потом стал при любой возможности заезжать к нему расслабиться и подышать воздухом. Даже мать, которая поначалу ужасно упиралась, уговорил съездить. И она там вместо нескольких дней пробыла целый месяц. Так ей понравилось. Разве плохо? Утром встанет и курочек идет кормить, нутрий. Потом яички собирать. А дальше по лесу гулять. Устанет – домой идет чай ягодные гонять. Лепота.

А потом однажды Гришка предложил приехать под новый год. Но сразу сказал:

– Ты, Родик, здесь больше пары-тройки дней зимой со мной не выдержишь. Заскучаешь.

А вот если друзей возьмешь, то будет в самый раз. На лыжах покатаетесь, в баньке попаритесь, водочку попьете, за жизнь покалякаете.

С тех пор и повелось. Ездил я туда с Духом и Кимирсенем. То есть с Мишкой Духовым и Серегой Кимом, корейцем. Еще двумя, как я, холостяками. Моими однокашниками. Хотя в школе я с ними даже особенно и не дружил. Так, хорошо друг к другу относились, но в компаниях были разных. Естественно, после школы наши дорожки разбежались. Я, повзрослев, про те детские взаимоотношения и думать позабыл, но однажды в сауне встретил Кимирсена. А он такой важный, солидный. Как же, главный дерматолог округа. Своя практика, «бабки». Он же, узнав меня, то-то начал выпендриваться. Мол, вон я какой. А я уже принял прилично и говорю ему:

– Слушай, Ким Чен Ир, или как тебя там, если ты сейчас со мной водки не выпьешь, я тебе твои косые глаза на одно места натяну. Тебя даже мама родная не узнает. Будешь супер-кореец.

Выпили мы с ним. Потрепались. Вот он мне и рассказал, что недавно случайно Духа встретил. Просто по совпадению какому-то. Тот мать на консультацию водил, не знал, что главный кожник – это Ким. Там, в клинике, они с ним и поболтали маленько. Что да как. Выяснилось, что Дух тоже, как и мы, в порядке. Менеджером где-то работает. Во всяком случае, так говорит. А раньше, по словам Кимирсена, был фээсбэшником, хотя одно другому и не мешает. Только скучным каким-то он ему показался. Одиноким. Старых друзей жизнь раскидала, а новых, говорит, не завел. К тому же и мать его все время побаливала. И мы с Кимом решили взять его под опеку и затащить в следующий раз третьим в сауну. С тех пор уже втроем мы начали регулярно встречаться. И такое времяпрепровождение нас со всех сторон устраивало.

По сути, кроме далеких, размытых в розовой дымке воспоминаний детства нашу троицу ничто не связывало. Каждый, вне сауны, продолжал жить своей, закрытой от других, обособленной жизнью. Мы даже в гостях друг у друга не были. По характеру мы были довольно похожими – одиночками по принципу. Нас не связывали ни деловые, ни никакие иные общие отношения. Это давало ощущение свободы. Мы не боялись, что кто-нибудь против другого что-то затаит. По большому счету, нам было друг на друга наплевать. Эта была, если хотите, суррогатная дружба, но она обладала огромным преимуществом, парадоксальной возможностью замыкаться в себе и на себе, одновременно мило и общительно проводя время вместе.

Вначале мы встречались только в сауне или иногда в ресторанах, а потом начали ездить к дядьке. Там было даже еще лучше. Не было другого места, где можно было бы так легко чувствовать себя одновременно и наедине и... со всеми.

Мы сходились характерами еще в одном – в отношении к женщинам. Мы любили представительниц прекрасного пола, но держали своих дам исключительно при себе. Я не видел девушек моих приятелей, а те – Машку.

Однако иногда нужно менять стереотипы.

В один из дней Машка окончательно заявила, что ни на какой аборт она не пойдет и ребенка сохранит. Я попытался было с ней объясниться, но, как выяснилось, она и сама собиралась это сделать. Хотя ей было нелегко. И мне тоже.

Она объяснила мне, что я ей дорог. А может, и вообще она меня любит. Но не хочет мне навязываться, вынуждать делать какие-либо шаги под давлением обстоятельств. Даже если я готов связать с ней жизнь, то не должен делать это из-под палки. Кроме того, ее совсем не волнует наличие штампа в паспорте. Ребенок-то все равно мой.

Говоря это, Машка все сильнее возбуждалась, как наркоман после дозы. Видимо, она сама не очень верила, что все так просто, но с блеском в глазах продолжала:

– Ты, Родька, не волнуйся. Хочешь, я уйду прямо сейчас и никогда больше не возникну у тебя на пути. Я же понимаю, что ты не виноват. Ты не бойся, я не пропаду. Родители помогут, они у меня молодцом. Перекантуюсь. В общем, обойдусь без тебя.

Машка помолчала.

– А хочешь, останусь с тобой безо всяких обязательств?..

Вы должны представить себе эту картину. Стоящий в растерянности я и Машка. Очень красивая женщина, способная мимолетным движением пальчика заставить мужчину сделать любую глупость только в надежде, что она обратит на него внимание, и которая сейчас обращалась ко мне с кучей этих нелепых, неподходящих ей слов.

Я пожал плечами. Ни физических, ни моральных сил по-другому реагировать на этот бред у меня не было. Ловушка – она всегда ловушка, а попался – каюк тебе.

Одно было совершенно ясно. Где-то через полгода я стану отцом.

Я мысленно досчитал до тринадцати. Я всегда считаю до тринадцати в сложных ситуациях.

– Маша! – сказал я, а та выжидающе выпрямилась. Я никогда не звал ее «Маша».

– Маша! – повторил я. – У меня нет опыта, и я не знаю, как полагается себя вести в подобных ситуациях. Но я понимаю, что ты ждешь от меня ответа. И я постараюсь его дать, хотя боюсь, что буду говорить не как человек, а как какой-то механизм.

Собираясь с мыслями, я помолчал и по-дурацки поскреб ногтем по обивке кресла.

– Между тобой, Маша, и мной существует эмоциональное и физическое влечение, которое можно называть по-разному, в том числе и любовью, если исходить из предпосылки, что любовь – это вариант позитивной психологической и физической зависимости одного человека от другого.

Машка совершенно обалдела от этой фразы, ее глаза недоуменно округлились, а я продолжал:

– Но, помимо этого, есть еще и вещественная правда жизни. Ее быт и законы. В силу этого я нахожусь перед очевидной дилеммой, определенным, но не богатым выбором. – В это время, слушая мои слова, где-то в глубине моей души кто-то, пахнувший серой, умирал от смеха. – Я не собираюсь заниматься банальным разбором того, чего бы хотелось мне, а чего тебе. Я продолжаю считать, что в нашем неопределенном жизненном положении наиболее правильным шагом является аборт, но вместе с тем не могу оспаривать и твое право на свободу выбора. Однозначным для меня является лишь то, что я не хочу, чтобы ты от меня уходила. Мне ужасно стыдно в этом сознаваться, но и жениться я сейчас не готов. Я вообще не уверен, что создан для брака. Что же касается твоих разговоров про помощь родителей, то это просто несусветная чушь. Ребенок, в конце концов, и мой тоже.

Машка тяжело вздохнула. Это было не лучшее, но, слава богу, наверное, и не худшее из того, что она могла услышать. Мужчина, соглашающийся жить с беременной от него женщиной, всегда остается потенциальным законным супругом.

Мы оба помолчали. А затем я перевел разговор на другую тему.

– Маш! Помнишь, в том году в конце декабря я ездил с друзьями к дядьке? Поедешь в этот раз со мной?..

Наша компания договорились съехаться у трех вокзалов. Пижон Кимирсен подъехал на джипе. Как же, как же... Купил специально для поездки в деревню. Но в данном случае это было удобно. Решалась проблема, как там, на месте, добираться до Гришкиного дома. Теперь это было просто: дядькиным «козлом» и корейским джипом KIA. В голове непрощенно мелькнуло, что джип-то дважды корейский – и хозяин, и машина.

Я с любопытством разглядывал незнакомых мне спутниц приятелей, а те мою Машку. Вы крыс когда-нибудь видели? Так вот, представьте себе самую симпатичную крысу на свете. Это трудно, но постарайтесь. А потом взмахом волшебной палочки сделайте из нее очаровательную женщину. Именно так выглядела подружка Кима. И я сразу его пожалел. Девушку звали Нелли. Нас познакомили, и мы перекинулись ничего не значащими фразами. Разговаривала она, по-

южнорусски «гхыкая». Я, естественно, поинтересовался, откуда она. И все стало понятно. Из ростовской области. Казачка. И никогда она не была Нелли, не надо сказки рассказывать своим ребятам, а отзывалась просто на Нельку. Но, не боюсь повториться, девочка была супер-пупер. Я уже через мгновение перестал понимать, почему решил, что она крыса. Хотя, наверно, проинтуичил. А может, виноват ее чуть заостренный, но миленький носик, или, может, неприметная манера постоянно полу-сгибать пальчики маленьких изящных ручек. Видели, как это делают крысы? Бедняжка Ким. Такая деваха без проблем могла свить из него тоненькую, под стать ее фигурке, веревочку на поясок или, расплетая ее же на пальчиках, играть в детскую игру «Колыбель для кошки».

Выбору Духа я тоже слегка удивился. Хотя, по-честному, мне с моими деревенскими корнями меньше всего следовало бы критиковать его спутницу. У нее был, на мой взгляд, несколько утрированно лубочный вид. Крепенькая, но не толстая, губошлепистая с большущими глазами и пухлыми ярко-розовыми щечками. Как говорится, кровь с молоком, и все тут. А для нас, аристократов, моветон. Но взгляд у нее был хороший. Теплый и открытый. Увидев ее, я понял, что Дух все-таки фээсбэшник. Он искал и нашел себе бабу, с которой можно было бы пойти в разведку.

Безлошадный Дух со своей Тасей загрузился ко мне в машину, и мы тронулись. Нам, мужикам, дорога была знакома, потому было скучно. Девчонки же крутили головами по сторонам и доставали нас частыми просьбами остановиться и выйти на минуточку. На нервной почве, что ли? Отходить далеко им было лень, тем более, что было холодно. Они усаживались поблизости, прячась чисто символически, и развлекали проезжающих автолюбителей видом вполне симпатичных женских попок.

Наконец, мы добрались до деревни. Я, как обычно, оттаранил свою тачку к Кузе и загрузил того антидепрессивной водкой. Мы чуть передохнули. Дух со своей девчонкой перебрался в машину к Киму, а я, как всегда, к Гришке, но на этот раз с Машкой. А дядьку надо было видеть. Я звонил ему перед отъездом, предупредил, что мы приедем с дамами, и попросил его что-нибудь придумать, чтобы те не скучали. Гришка, по-видимому, загорелся идеей и рассудил просто. Глухомань – так глухомань. Он, похоже, дня три не брился и был одет в какой-то несусветный ватник и валенки. Его чернявые глаза смотрели нарочито мутно и хмуро. От него пахло водкой. Девчонки от него слегка заробели. Я бы – тоже, если б не знал, что это Гришка. Машка удивленно на меня посмотрела: «И это твой дядя?» Тася с Нелькой зачудили по-своему. Нелька стала жаться к Кимирсену, а Таська, наоборот, «пошла на бордаж», пытаясь дурацкими городскими разговорами завоевать Гришкины симпатии. Мои же пацаны, знакомые с дядькой, отворачивая наглые морды, ржали.

Ким покати́л первым, он знал, как ехать, да и вообще любил руководить. Мы свернули на проторенную Гришкой дорогу, когда машина Кимирсена, проехав метров сто, неожиданно остановилась. Мы выскочили узнать, что случилось. Неужели нельзя было потерпеть еще десять минут?

По обе стороны дороги на высоких, выкрашенных в красный цвет шестах висели впере­мешку коровьи и лошадиные черепа, перемежаясь похожими на волчьи, а, скорее всего, собачьими хвостами. Еще через несколько метров на каком-то импровизированном постаменте из пней была установлена шестиконечная звезда с распятой посередине вороной, а под ней на чем-то вроде алтаря лежали какие-то птичьи головы, перья и скрюченные лапки. Снег вокруг этого лесного святилища был забрызган чем-то красным.

– Фу, какая гадость, – дружно сказали девчонки, но в их глазах мелькнула тревога.

А Гришка с извиняющимся видом зачесал затылок.

– Места тут, знамо дело, колдовские. Вам, городским, не понять. А мы от греха по старинке охраняемся. Вот звезду-то и поставили. Царь Соломон давненько ее придумал от сатанинского глаза оберегаться.

Девчонки пожалы плечами, хотя было видно, что тревожный осадок в их душе не растворился. Машка за весь остаток дороги больше не произнесла ни слова.

Мы вошли в знакомую избу. Гришка продолжал нас, знакомых с этим местом мужиков, развлекать. Дверь во внутренние комнаты он завесил шкурой. И теперь прихожая выглядела точь-в-точь, как палаты бабы яги из фильма Роу. Вдобавок на полу кучей валялось какое-то замызганное тряпье.

– Вы, гости дорогие, не стесняйтесь, располагайтесь, – не очень дружелюбно пробормотал Гришка. – А я пойду водицы наберу и костром займусь.

И он исчез. Мужчины остались стоять, ожидая продолжения спектакля, а девчонки расселись на кривоногих табуретах, глядя на нас округлившимися глазами. Неужели здесь мы будем жить? Немая сцена, как сказал бы Николай Васильевич.

Но Гришка был не бессердечен. Минут через десять в комнате из-за занавешенной двери появился чисто выбритый, благоухающий хорошим одеколоном далеко не старый мужчина в нормальном цивильном свитере и джинсах. Девки удивленно на него уставились, и лишь через некоторое время до них дошло, что это Григорий.

Мы от души смеялись, глядя на их удивленно-дурашливый вид. А потом заговорила Нелли, точнее, живущая в ней казачка. Поверьте, ее стоило послушать. Никого из наших родственников в своей насыщенной идиомами речи она не пропустила. А мы смеялись только сильнее.

Гришка, бросив прикидываться, наконец, провел женщин внутрь избы, в совершенно по-современному обставленные и оборудованные комнаты, показал, где душ, туалет и т. п., и женская половина нашей команды успокоилась.

Как положено, мы хорошо посидели и выпили, и дядька пошел топить баню. Прошла пара часов, прежде чем она нагрелась до кондиции. Мужчины уже были достаточно тепленькие и не были расположены в нее лезть, зато женщины, наоборот, рвались в бой и вскоре нас покинули. Мы же продолжали мирно сидеть за столом, наблюдая, как убывает содержимое очередной бутылки, и слушать, как время от времени девчонки выскакивают на мороз остыть и оглушительно при этом визжат. Дух не выдержал и подошел к окну подглядеть. И присвистнул.

– Мужики, хотите перед сном посмотреть эротическое кино? Девчонки-то выскакивают голыми.

Гришка никогда на других женщин ни при Ольге, ни после ее смерти не смотрел. А мы с Кимом отмахнулись. Что мы, голых баб не видели? Но в это время снова повторился визг, и звучал он по-другому. Мы встревожились и побежали к бане. Все оказалось в порядке. К нам выглянула накинувшая на себя шубу Тася.

– Все в порядке, мальчики. А твою квадратную голову в окне, – обратилась она к покрасневшему Духу, – мы заметили. Не подглядывай. Глаза вытекут.

– А что это вы вдруг завизжали как резаные? – спросил Гришка.

– Да ничего, пустяки. На мороз вылезли и на собаку нарвались. Здоровенную такую, на волка похожую. Вот и перепугались. Только она, кажется, больше нас испугалась и убежала.

– А-а, – протянул фальшиво бодрым тоном Григорий, – это, небось, Тимофея пес. («Какой-такой Тимофей?» – подумал я.) Вечно он везде шляется. Да и ко мне вот повадился. Не пойму, любопытный, что ли, такой? Но не бойтесь. Не тронет. Только не забывайте, что он не городской. Его ни приманивать, ни гладить нельзя. Может кинуться. Просто нужно не обращать на него внимания, и все. Сам уйдет.

Гришка оттарабанил эти слова и странно на меня посмотрел.

Утром мужчины поднялись с трудом, даже несмотря на морозную солнечную погоду. Все, кроме Гришки, вчера сильно перебрали. Дамы же, наоборот, были бодры и полны сил, хотя и сердиты на нас. Дядька тоже рвался в бой, хотя остальным мужикам с большим трудом давался даже простой процесс открывания глаз.

– Вставайте, бездельники, – Григорий бесцеремонно поскидывал с нас одеяла.

И мы увидели себя. Процедура раздевания, очевидно, оказалась для нас чересчур трудна. Дух был без носок, гол до пояса, но почему-то в джинсах. Кимирсен – в трусах в цветочек, но свитере и носках, а я, видимо, перепутал в голове тумблеры и был одет как для зимней прогулки. Разве что лыжи не надел. В наш мужской отстойник заглянула Таська. (Гришка устроил нас в разных комнатах, а сам спал в бане.) Она брезгливо сморщила носик.

– Фи. Картина неизвестного художника «Стойбище диких козлов», – сказала она и убежала.

Мы с трудом поднялись. Мужики дооделись, а я частично разделся. Мы выползи в общую комнату. На столе стоял чайник и какая-то простенькая утренняя еда: творожок, масло, хлеб, кусок колбасы. От вида этих продуктов нас дружно потянуло в ригу. Дух даже прикрыл рот рукой. Но сердобольный Гришка, понимающе оглядев нас, куда-то выскочил и вернулся с тремя бутылками холодного пива. Мы почувствовали себя лучше. Дядька снова куда-то отвалил, мы подумали, что пошел еще за бутылками, но не тут-то было. Он притащил три пары лыж. Мы застонали.

– Гриш! Ты что, офонарел? Какие лыжи? У нас в ботинках-то ноги разъезжаются, – запротестовал я от имени всех.

– Ничего не знаю, – Гришка отрицательно покачал головой. – Приехали на зимний отдых, так будьте любезны.

– Гриш! Ну, сам подумай, – продолжал увещевать я, – куда нам сейчас на прогулку? Полежим еще пару часиков, глядишь, тогда и сможем выползти.

Стоящие кучкой в сторонке женщины презрительно и осуждающе на меня посмотрели. Я только сейчас обратил внимание, что в углу приготовлены лыжи и для них.

«Лыжницы хреновы», – и это было самое нейтральное из того, что я про них подумал.

А Гришка с напускным удивлением спросил:

– А с чево-то ты вдруг решил, что я вас на прогулку позвал? Гулять и отдыхать сюда дамы приехали. – И он сделал галантный поклон в сторону наших девушек. – А мы для них пойдем лыжню прокладывать по живописным местам, километра эдак на три-четыре. А потом пусть себе гуляют, наслаждаются природой.

Мои ребята выпучили глаза.

– Ким! – строго спросил я. – Ты машину вести сможешь?

Тот не без сомненья кивнул.

– Так, может, ну их. Поехали обратно к Кузе. У него поживем, здоровье поправим, а этого лесного джентльмена оставим нашим дриадам. Пусть поживут с ним маленько.

Все три клуши одновременно закудахтали. Я даже не понял, что они мне, а точнее, нам сказали, но вряд ли похвалили. В итоге мы поперлись вереницей чемпионов зимней олимпиады вслед за бодреньким Гришкой, волоча лыжи, как каторжники гири. Но на морозе минут за тридцать остатки хмеля выветрились, и хотя было нелегко торить лыжню в глубоком снегу, наша команда вскоре начала получать удовольствие.

К нашему приходу девчонки приготовили вкуснейший чай. Гришка из своих закровов достал варенье, и мы все с наслаждением чаевничали за импровизированным столом во дворе. Жизнь показалась прекрасной. Каждый глоток свежего, пахнущего хвоей воздуха очищал и оживлял наши городские, отравленные бытовой химией и смогом тела.

В удобный момент я отозвал Гришку в сторону.

– Слушай, ты вчера не переборщил со своим «святилищем». Кровь, птицы убитые эти.

Дядька усмехнулся.

– Во-первых, не кровь, а кетчуп. Как в кино. А насчет птиц еще проще. Кур на обед вы же сами за милую душу съели. Не побрезговали. Или ты хотел, чтобы я, к примеру, их в перьях подал? А дохлую ворону на дороге нашел. Так что не волнуйся. Да и бабы у вас хорошие, не истеричные.

Он хотел было отойти, но я удержал.

– А Тимофей с его псом – кто такие?

– Кто-кто? – передразнил меня Гришка. – Дед Пихто. Сёма это был.

– Какой Сёма?

– Сёма. Волк, – терпеливо, как дебилу, объяснил мне Гришка. – Он часто ко мне в гости приходит.

Я в очередной раз подумал, что странно это все. Вначале дед, потом дядя и теперь я родились с необычным даром общаться с волками. Ничего себе семейка. Но почему Гришка дал ему такое имя? Я спросил дядьку, а тот чуть засмутился.

– Глупо, наверно. Назвать каким-то собачьим именем, вроде Полкана, не рискнул. Вдруг обидится? Поэтому назвал по-человечески. А Семенов здесь в округе нет. Никто не откликнется и на себя не подумает.

– А гостям ничего не угрожает?

От этого вопроса Гришка даже отмахнулся.

– Волки не глупее нас. Они знают, люди приехали ко мне. Не только не тронут, а если понадобится, будут защищать.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

Гришка удивился моему непониманию.

– Сами сказали. А хочешь, пойдем спросим у Сёмы.

Мои брови поползли вверх.

– Пойдем, пойдем, не пожалеешь.

Дядька потянул меня за рукав.

Под каким-то благовидным предлогом мы сказали, что собираемся ненадолго отойти, и углубились в лес. Вскоре мы вышли на небольшую полянку. Я думал, что дядька закричит «Сема, Сема!», но тот молчал, только лицо как-то напряглось. Минуты через две он удовлетворенно кивнул и обернулся. Сзади сидел волк. Я не слышал, как он подкрался.

Мне уже приходилось видеть эту сцену. Гришка и волк молча глядели друг на друга, хотя у меня возникло ощущение, что я играю роль глухого среди говорящих и слышащих. Наконец, Гришка обратился ко мне.

– Все. Извини. Теперь твоя очередь. Я объяснял Сёме, что ты тоже хочешь научиться общаться. Только учти, они плохо понимают речь. Издаваемые звуки служат им большей частью для выражения эмоций, радости, гнева и т. д. А ты просто сосредоточенно думай о том, что хочешь сказать или спросить, и все.

Я, по правде говоря, не был готов к какому-нибудь разговору с представителем волчьего рода. Ситуация была похожа на воображаемую встречу с пришельцем, диалог с которым, если вдуматься, при отсутствии плана и специфической подготовки бессмыслен. «Как тебя зовут», «откуда ты» и «какого хрена тебе здесь надо» – вот весь перечень вопросов. Как зовут волка, я знал, откуда он – тоже, а «какого хрена тебе надо» должен был спрашивать он, а не я.

Волк вдруг оскалил клыки в некоем подобии улыбки и кивнул.

– Бог ты мой! – подумал я. – Ты действительно понял мои мысли?

Сёма кивнул снова.

В моей голове стали складываться какие-то слова или символы, и я с удивлением сообразил, что это ответ волка.

– Да. Я понял тебя, как поняли бы многие другие животные.

Я обалдел.

– Ты хочешь сказать, что все животные телепаты?

– В той или иной степени, – прозвучал мысленный ответ. – Но, как и у людей, среди нас есть более умные и более глупые.

Вообще-то меня не так уж легко сбить с панталыку, но сейчас в голове царил хаос.

– Сёма, но ты ведь не философ, а хищник, живущий в дикой природе. Гроза мелкого рогатого скота. – И у меня в голове непроизвольно прозвучала песенка про серенького козлика.

Волк снова улыбочиво оскалил зубы.

– Я – волк и просто умело пользуюсь тем, что мне дано от природы.

– И поэтому, наверное, не побрезговал бы сожрать заблудившегося в лесу путника?

В ответ послышался отрывистый, похожий на собачий, хриплый лай. Я понял, что рассмешил животное.

– Есть две причины, по которым волк нападает на человека. Это – голод, и вторая, более «человеческая», – месть. У животных есть много причин желать человеку зла. Трудность в другом. Если мы нападаем, нам трудно остановиться.

– Почему?

– Это трудно объяснить. Человек, как и животные, обладает и разумом (мы тоже, оказывается, обладаем, подумал я), и инстинктами. Последние у вас часто подвластны разуму. А у нас голод, страх, гнев или влечение к самке легко подавляют разум. Из-за этого волк перестает думать, и он тогда – только убийца. Волчара! Так вы порой говорите.

Сёма вдруг снова засмеялся.

– Мы почти никогда не трогаем таких, как ты, умеющих понимать. Но если бы я был очень-очень голоден и ты мне попался в лесу... Но поверь, утолив голод, я вернулся бы в разум и горестно завыл над твоими останками.

Я в этом отчетливо уловил... насмешку. А волк неожиданно развернулся и убежал.

Я удивленно посмотрел на Гришку.

– Что это он вдруг?

Тот махнул рукой.

– Они часто так. Захочется уйти – уходят. Без объяснений.

– Почему они подчиняются тебе?

Гришка задумчиво помотал головой.

– Не подчиняются, а любезно выполняют просьбы... Я сам над этим долго думал. Глупостей всяческих напридумывал. Мол, человек для них своего рода тотем. Фигня это. До меня потом дошло. Мы им интересны. Их частичное послушание – плата за общение. Своего рода благодарность. Короче, мы их развлекаем в их нелегкой волчьей жизни.

И дядька, деловито поправив куртку, сказал:

– Ладно, все, пошли к нашим.

Как-то незаметно в необременительных, но приятных хлопотах время подошло к обеду. А вы ведь и сами знаете, что на отдыхе время меряется промежутками между приемами пищи. Не буду вдаваться в подробности, но все было вкусно, а потом Гришка снова пошел топить баню. Мы достали новую бутылку. И тут возмутилась Машка.

– Нет уж. Хватит. Хорошенького понемножку, – она вроде бы обращалась ко всем, но гневно смотрела на меня. – Мы не хотим, чтобы повторился вчерашний день и чтобы вы опять напились до свиного состояния.

С этим никто и не спорил. Кому же охота так напиваться? Но что делать, если все-таки хочется выпить? Я лицемерно завозмущался.

– Девчонки! В чем проблема? Мы пропахали вам чудесную лыжню, а вы еще даже ее и не опробовали. Мы привезли кучу фильмов, а здесь есть DVD. У Гришки полно книжек,

детективов и всяких бестселлеров. Ким наташил кроссвордов. Скоро созреет баня. Неужели вам нечем заняться?

Мы дружно с удивлением подняли брови.

Но дамы были категоричны.

– Фиг вам, – однозначно отрезала Тася. – Мы приехали сюда с вами и хотим быть с вами трезвыми, а не видеть пьяные рожи, воняющие перегаром. И тем более не желаем слышать ваш храп, от которого через две стены трясутся наши кровати.

– А вы хотели бы, чтоб кровати тряслись от другого? – нахально спросил Ким и плотоядно посмотрел на Нелли. А та призывно и загадочно улыбнулась.

– Так-так, – тут же отреагировал я. – Нашел-таки Гришкин недосмотр. Не приготовил он таблички «Ди. Эн. Ди.».

Как раз в это мгновение в избу заглянул Гришка.

– Это какое-такое «диэнди» я не приготовил?

– Таблички такие на двери в гостиницах вешают, – за всех ответил Дух. – «Do not disturb».

Не беспокоить, значит.

Гришка с иронией нас оглядел.

– Тьфу, кобели чертовы, – сказал он и двинулся обратно к двери.

– Гриш! – крикнул я вдогонку. – Если мы, мужики, кобели, то как называются наши женщины?

И получил от Машки по шее.

Но вторую бутылку мы все-таки отбили. Девчонки еще не уговорили свое вино, а пить без нас им было неудобно. А потом они снова пошли в баню. Нам же как раз хватило выпивки на время их отсутствия. Из чистого нахальства я подошел к окну и вытаращился в ожидании, когда те выскочат остыть и растереться снегом. Наконец, долгожданное событие произошло, и я, не скрывая удовольствия и ни капельки не скрываясь сам, разглядывал эти чудеса природы. Там, в общем, было на что посмотреть. А в это время девчонки, делая вид, что меня не замечают, резвились в снегу, а потом, дружно показав мне язык, убежали.

Вдоволь попарившись, довольные, они вернулись в дом, и тогда наступила наша очередь.

В баньке у Гришки мы бывали и раньше. Он построил ее с любовью, и она верно служила ему, поражая несвойственным для таких мест уютом и искусно созданным ощущением древности. Какое-то время мы плескались и парились, а когда сопрели и стало невмоготу, выскочили на мороз в снег, нарочито не глядя на известное окошко. Наконец, Дух не выдержал.

– Ну, что, выясним? Подсматривают или нет?

Мы повернулись. Все три валькирии равнодушно на нас смотрели, пренебрежительно показывая пальцами на некую важную часть наших тел. А это, между прочим, обидно. Ведь на самом деле все было не так уж плохо. Но даже и такая явная попытка оскорбления мужского достоинства не смогла сломать наш дух. Предусмотрительный Гришка не забыл выставить на снег пиво. Мы забрали бутылки и вернулись в баню наслаждаться жизнью.

Уже совсем вечером мы опять чуть не поссорились с девчонками. Спать еще не хотелось, а делать было нечего. Мы хотели было еще принять перед сном и, не напрягаясь, посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм. Но нарвались на решительное «нет». Точнее, кино – yes, водка – по. Мы затосковали, а Нелька вдруг и брякни:

– А что мы так скучно и традиционно время проводим? Как в подмосковном доме отдыха. Лыжи, кино, выпивка и противоположный пол. Мы же в настоящем, глухом лесу вдали от цивилизации. Давайте что-нибудь поинтересней придумаем.

Я, как самый по характеру «добрый», и предложил:

– Нельчик! А давай тебя грохнем и съедим. Ты, наверно, сладенькая.

Я демонстративно облизнулся, а Ким чувствительно ткнул меня в бок своим тренированным в таэквандо суховатым кулачком и почти всерьез произнес:

– Нелочка! Не бойся, этого обормота мы съедим первым как самого ненужного члена команды.

А я, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Не, народ, я в натуре предлагаю. Представляете, потом заголовки в газетах. Случай каннибализма в Тмутараканском лесу. Заблудившаяся группа туристов съела с голодухи вывихнувшую ногу очаровательную путешественницу.

Нелли чуть обалдела.

– Так я же ногу не вывихивала.

– Глупенькая! – нежно обратился я к ней. – Не волнуйся. Мы вывихнем.

– Ты заткнешься, наконец, коровье ботало? – Машка, ревниво на меня глядя, сделала решительный и угрожающий шаг в мою сторону. – Просто уши вянут от твоей болтовни.

Неожиданно в разговор влез Дух.

– Слушайте, мальчики и девочки, а ведь своей неумной фантазией Зверек невольно подал идею. По крайней мере, в смысле того, чем занять вечер. Мы, конечно, вряд ли сможем конкурировать с ним в умении трепаться, но почему бы не попробовать и не посвятить пустые часы травле всяких баек. Правдивых или завиральных, лишь бы интересных.

Мы с сомнением на него посмотрели. Идея почему-то ассоциировалась с пионерским лагерем.

– Можно попробовать, – с чуть наигранным энтузиазмом поддержала своего кавалера Тася и, глянув на меня, спросила:

– А почему, собственно, «Зверек»?

– Мадемуазель! Позвольте представиться. Зверев Родион Николаевич, – я выпрямился по стойке смирно, залихватски щелкнув воображаемыми каблуками.

Но в тот вечер на подмостки сцены лесной избушки никто из нас так и не рискнул подняться, и мы просто посмотрели старый, но хороший детектив.

Следующий день был похож на предыдущие. Но мы еще только начали получать удовольствие от лесной жизни и не скучали. Даже не согласились на заманчивое предложение Гришки пострелять по мишени из его карабина. Это развлечение решили оставить на потом, на случай, если от безделья между кем-нибудь начнет назревать конфликт. Пальнуть по пустой бутылке и увидеть, как она разлетается вдребезги, совсем неплохой способ выпустить эмоции. Вместо этого Дух стал лепить снеговика. Вначале мы посмеивались, а затем присоединились к нему. Снеговик вышел кривоватым, но вполне симпатичным, особенно после того, как мы насадили ему на голову старую и драную ушанку Гришки, а вместо носа, отдавая дань традиции, вставили большую, шишковатую морковку.

Ким какое-то время разглядывал наше творение, а потом таинственным тоном произнес:

– Интересно, что бы сказал по этому поводу Фрейд? Мы ведь на уровне подсознания невольно наградили снеговика ринофимой.

Дух и я удивленно на него посмотрели.

– Ринофима. Незаразная и неопасная болезнь, – объяснил Ким. – Красноватый, шишковато-пупырчатый нос. Характерен для алкоголиков. Вспомните известный портрет Мусоргского.

По поводу снеговика не преминули пошутить и девчонки. Они в это время занимались в избе обедом. Вышедшая выкинуть картофельные очистки Машка критически осмотрела скульптурное произведение и иронично заметила:

– Чем бы дитя не тешилось... Хотя, говорят, трудотерапия для лечения пьяниц очень эффективна.

В ответ мы слепили снежную бабу, размером поменьше с противным носом из сучка с шишкой, напоминающей бородавку, а из драного мышасто-серого одеяла вырезали огромный лифчик. Эта зимняя красавица строго смотрела на всех близко прилепленными к носу угольками. То еще зрелище, между прочим.

Эта парочка так и простояла весь наш отпуск. Мы назвали их Тристан и Изольда.

Вечером снова возникла проблема, чем себя занять. Я уже хотел вытащить очередной фильм, но вдруг заговорил Ким.

– Помните вчерашнее предложение Духа? – спросил он.

Мы кивнули.

– А «Тысячу и одну ночь» помните? – и Ким продолжил речитативом: – «Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил сапожник...»

– Ну и дальше что? – поинтересовалась Машка.

Ким, на лице которого явно отражались единство и борьба противоположностей, наконец, решился и сказал:

– Так вот. Я согласен стать волонтером и рассказать одну любопытную, как мне кажется, историю.

У Нелли загорелись глаза.

– Давай, валяй, Сереженька.

Ким удовлетворенно кивнул.

– Но у меня есть одно условие. Даром ведь ничего не бывает.

Мы внимательно на него уставились.

– Шахерезада не от хорошей жизни рассказывала царю байки, – продолжал он. – Она была категорически против, чтобы ей отрубили голову. И ее желание остаться и поболтать во дворец вместо того, чтобы встретиться с палачом, было вполне закономерным.

Мы ожидали, что будет дальше, а Ким, подмигнув нам, договорил:

– Вот и у меня тоже есть интерес. Помельче. Мне, чтобы хорошо рассказывать, нужна рюмочка. А без нее я ничего не скажу. Так что выбирайте.

– Э-э-э, – разочарованно протянули дамы, – этот интерес нам знаком и вряд ли стоит твоего рассказа.

– А может, рискнем? – влез я, умиленно глядя на этих мегер.

Девчонки явно заколебались, но бутылка с закуской все же появилась на столе.

– Эта история произошла, когда я еще учился в институте, – начал Кимирсен. – Я только-только поступил в медицинский и не смел верить своему счастью. Глупо в этом признаваться, но иногда я тайком доставал свой студенческий билет и с гордостью его рассматривал. Но, честно говоря, жизнь на первом курсе, если ты действительно учишься, была вовсе не такой уж сладкой. Я утопал в потоке информации, когда интересной, а когда скучной и глупой, и долбил часами гранит науки, чтобы не попасть на «отработку». Единственное, что утешало, что так будет не всегда. В «меде» трудно учиться только первые три года, когда проходят базис, а потом начинается халява. Среди базисных наук известным пугалом младшекурсников была анатомия, где просто приходилось многое учить наизусть. Но, несмотря на это, была и определенная патологическая привлекательность. Конечно, никто в этом не сознавался, но всех новоиспеченных студентов волновало, а как они будут себя чувствовать, имея дело с трупами.

Прошло несколько месяцев учебы, и я, как и остальные, привык к новой жизни. Мы перестали чувствовать себя потерянными в старинных академических залах института. Трупы не пугали нас, а мы их. Мы даже немножко этим бравировали. Некоторые, например, ели домашние бутерброды в помещении, где препарировали покойников.

На какое-то время Ким замолчал и задумался, а затем продолжил:

– И вообще институт многое изменил для меня и таких, как я, благополучных детей, только закончивших школу. Понятное дело, мы все были молоды, но, тем не менее, между

многими была разница в несколько лет, что играло немаловажную роль. Часть из нас была после армии со специфическим опытом армейских взаимоотношений, часть успела поработать и окончить другие учебные заведения. У некоторых уже были свои семьи. И все мы вдруг перемешались. То есть те, кто давно и реально вел взрослую жизнь, и те, вроде меня, которые знали ее чисто теоретически. Важным фактором жизни были деньги. Money-money, которых у меня не было. А у моего молодого организма были растущие потребности. И не было богатого папеньки. Поэтому ни на что другое, кроме стипендии, я не мог рассчитывать. Вот и решил подрабатывать.

– Так ты, оказывается, был в институте эдаким сопливым маменьким сынком в аккуратном дешевом костюмчике? – удивилась Нелли.

Ким усмехнулся.

– Маменьким сынком я никогда не был. Дух и Зверек не дадут соврать. И в институте прикидывался, как и многие, крутым, только в эту крутизну, кроме нас самих, похоже, никто не верил. Но в том, что ты говоришь, Нельчик, есть доля истины. Я был маменькиным сынком, если под этим подразумевать инфантильность, но не в поведении, а в мышлении. Деньги мне нужны-то были только для того, чтобы потратить их тут же на модный прикид или какую-нибудь дурочку, вроде тебя. Но как делать деньги, я не имел представления. Не идти же действительно на почту разносить письма. Мне повезло. Помог товарищ из Томска Виктор. Он жил в общежитии, и родители деньги ему практически не присылали, а стипендию он когда получал, а когда и нет. Так что другого выбора, как крутиться, у него не было. Он-то меня и надоумил.

Ким, который в основном обращался к дамам, повернулся к нам.

– Мы, сидящие здесь мужчины, старше присутствующих представительниц прекрасного пола и знаем то, что вы могли и не знать. Заранее простите, если я не прав. В те времена все было немножко по-другому, но заработать при желании было можно. Даже без особого риска сесть за решетку. Например, хорошей кормушкой было кладбище. За все, то есть за место на кладбище, памятник, услуги могильщиков, присмотр за могилкой надо было платить деньги. Очень приличные «левые» деньги в карман исполнителей. Менее известно было то, что на чужой смерти начинали зарабатывать еще раньше. Услуги санитаров в морге стоили недешево. Это сейчас расплодилось бюро ритуальных услуг, где платишь много, но теоретически сразу за все-про все. А раньше за то, чтобы помыть тело, привести его в порядок или вынести покойного, по отдельности выкладывалась денежка. Санитары от безработицы не страдали, и устроиться на такое место можно было только по большому благу. Но пронырливый Виктор умудрился внедриться в эту систему. Санитаром его, конечно, никто не взял. Он устроился «по-черному». По сути, рабом. Делал работу за санитаря, а тот отстегивал ему какие-то для таких, как он, совсем неплохие деньги. Зарплату начинающего инженера. Он мог бы зарабатывать и больше, но уже чисто физически был не в состоянии учиться и работать каждый день. И тогда позвал меня.

Ничего сложного и физически чрезмерно трудного для молодого здорового мужчины в этой работе не было. Хватало даже времени, чтобы расслабиться и почитать учебник. Все мои наниматели, как один, были средних лет хорошо выпивающими мужиками, имеющими, как я выяснил потом, по мелкой судимости. Они не были склонны к общению и относились ко мне не без пренебрежения. И это меня устраивало. Я вовсе не стремился к дружбе. Как человек в принципе посторонний, я не старался вникать в их производственные взаимоотношения. Но один факт знал, потому что он был общеизвестен. Все санитары, как один, очень недолюбливали Аркадия Андреевича, своего начальника. Он был худенький, сильно близорукий, похожий на бухгалтера мужчина, в котором трудно было предположить тяжелый и своевластный характер. А он держал свою команду в ежовых рукавицах. Ему это было делать легко. Он само-

лично распределял работу и тем самым влиял на заработок каждого. Естественно, все санитары платили ему долю и при этом ужасно его не любили.

В это же время в морге работал мужик помоложе, Игнат. И именно на него почему-то больше всего взелся Аркадий. Хотя Игнашка был совершенно безобидный лох. И не жадный.

Я уже говорил, что все они сильно поддавали и иногда не выходили на работу. Но это никого особенно не волновало, да и на работе морга не сказывалось. Сор из избы не выносили. Грозили пальчиком и все. А как-то загулял Игнашка. Жена родила. И из этого вдруг раздули целую кампанию по борьбе с пьянством, в результате которой того поперли с теплого места. И уж как он потом не упрашивал. Как не ходил кланяться. Наунижался вдосталь, но ничего не помогло. Аркадий остался непреклонен. Как потом выяснилось, ему надо было кого-то своего в морг пристроить, а ставки не было. И обиженный Игнашка поклялся отомстить. Не подумайте ничего криминального. Игнат был незлобив, и его месть не была построена на физическом насилии.

Итак, вы поняли, что Аркадий был не самой привлекательной личностью. Одним из известных его недостатков была мелочность. Так вот, Аркадий завел манеру начинать рабочий день с обхода мертвецкой. И совал нос везде. И досовался. Как-то, ничего не подозревая, он обходил свои владения дозором и заглянул в очередную морозильную камеру. А там картина. Вдоль стен парочками и в обнимку сидят голые мужские и женские тела, на полу расставлены недопитые стаканы, на газетке красуется бутылка водки, а вокруг разбросана растерзанная селедка и куча сигаретных «бычков». Аркадий вытаращил глаза, а один из трупов с длинным разрезом после вскрытия вдруг поднял руку и обратился к нему:

– Мужик! Курить есть? А то у нас кончилось.

Аркадий – брык и с копыт долой. Инсульт у него приключился. Так и остался с левой стороной парализованной. Ходить может, а работать уже нет.

Мы недоверчиво уставились на Кима.

– Здоров ты все-таки врать, брат, – сказал я. – Кажется, я уже слышал эту историю... – Но затем не удержался и спросил:

– А дальше-то что?

На мой выпад Ким не отреагировал, но ответил:

– А ничего. Как вы догадались, все придумал Игнашка. Договорился с дежурным санитаром, а тот не возражал против того, чтобы проучить Аркадия. Полночи Игнат рассаживал трупы. Создавал иллюзию правдоподобности. Сам сел голый с женским трупом, морщинистой отвратительной старухой, все тело которой было покрыто чешуйчатыми бляшками псориазической сыпи. Предварительно он нарисовал себе на теле «разрез» от вскрытия, наклеил сверху него швы из нитей, и чуть не околел от холода, ожидая обидчика. И каверза удалась. На инсульт, конечно, он не рассчитывал, однако результат его сильно не огорчил. Грех признаваться, но и других тоже.

Вот и вся история.

Ким замолчал, а мы какое-то время обсуждали его историю. Никто в нее не поверил, но мы с интересом обсудили тему покойников и всякие страсти-мордасти, связанные с загробной жизнью. Иными словами, взрослые дяди и тети вели типичный разговор подростков в пионерском лагере после отбоя. Но уже когда совсем собрались идти спать, Дух сделал неожиданное предложение. Хотя при этом он, казалось, был не уверен в правильности того, что делает.

– Знаете, – сказал он, – если мы уж заговорили на эту тему, то я, пожалуй, тоже расскажу одну историю.

– Мишка! Ты? – удивилась его подруга Тася. – Ты? С твоей занудливостью?

Дух криво улыбнулся и, хотя было не понятно, говорит он всерьез или шутит, ответил:

– Я занудлив по долгу службы. – Он помолчал, а затем без особого энтузиазма спросил:

– Так рассказывать или нет?

Мы энергично закивали головами. Но Машка логично заметила:

– Миша! Мы с удовольствием вас послушаем, но давайте отложим вашу историю на завтра. У нас еще будет достаточно вечеров.

Назавтра мы, разморенные и тепленькие после выпивки и бани, вновь расселись вокруг стола. Гришка и в этот раз куда-то сбежал, то ли к курам, то ли к нутриям. Он, добрая душа, старался держаться в стороне от нашей команды. Поначалу девчонки вроде пытались затащить его к нам, но это ни к чему не привело. А когда те совсем ему надоели, он просто строго на них посмотрел. Этого было достаточно.

...Мы тупо сидели и ждали, когда Дух, наконец, соберется и начнет рассказ, а тот молча вертел в руках то ли сосновую, то ли еловую шишку. Пауза затягивалась, и Дух, как будто спохватившись, вдруг заговорил:

– Я молчал, потому что не знал, как начать. Можно ли назвать мой рассказ историей? Не знаю, потому что в нем, по сути, нет сюжета. Если можно так выразиться, это мое личное жизненное наблюдение.

Дух посмотрел на Кима.

– Забавно, но повествование можно начать с него.

Тот выпучил глаза.

– Да-да, Кимушка, с тебя. Точнее, с твоей специальности. Наверно, девочки этого не знают, но мы, потрепанные жизнью выпускники школы № 254 Кировского района города Москвы, после многих лет полного неведения, что с каждым из нас происходит, однажды по чистой случайности встретились вновь. Зверек и Ким повстречались в бане, потому что были грязные и решили помыться. А я привел к Киму маму на консультацию, не зная, что там сидит мой однокашник.

Ким засмеялся.

– Знал бы, небось, не пошел.

Дух согласно закивал.

– Такой вариант не исключен... Так вот... Обратиться к врачу пришлось из-за того, что у моей мамы на лице появилось некрасивое багрово-красное зудящее пятно в виде бабочки. Гадкое пятно через нос и щеки. Как сказали врачи, экзема. И выписали всякие мази, в основе которых, как я понял потом, были гормоны, преднизолон и подобные ему. Но ничего, кроме временного и не стопроцентного эффекта, лекарства не дали. В конце концов, обойдя нескольких врачей, я решил пойти к «светилу», – серьезное выражение лица Духа сменилось на насмешливое. Он поглядел на Кима. – А им оказался один знакомый мне кореец.

Ким показал ему кулак.

– И он, кстати, первый объяснил, что к чему. Другие только важно кивали головами, брали деньги и выписывали рецепты. А он честно сказал, что никаких других препаратов, кроме тех, которые мама уже и так получила, у медицины нет. Разница в мазях – лишь в силе гормона. А так болезнь у кого-то проходит, у кого-то исчезает на время, а у кого остается навсегда. Лотерея. Главным итогом моего визита к тебе была не эта не очень оптимистичная, но правдивая информация, а то, что мать его как врача зауважала и поверила. И, насколько это возможно, успокоилась. А самое интересное оказалось то, что, как только она поняла, что делать нечего, болезнь пошла на убыль. По крайней мере, «выход на люди» у нее теперь не вызывал такого ужаса, как раньше.

Ким удовлетворенно кивнул. Он, видимо, хотел что-то сказать, но передумал, не желая мешать Духу.

– Как-то мы с матерью поехали к родне на годовщину смерти ее сестры, моей тетки. Она глупо и трагически погибла. Пьяный водила въехал в автобусную остановку, где была она.

Мы с мамой возвращались домой с поминок, когда она вдруг сказала:

– Миша! А меня ведь экземой бог наказал.

– ?

– За то, что я Ленку не уберегла. (Ленка – моя покойная тетка.) Была бы я понастойчивей, может, та и пожила бы еще.

Я, понятное дело, удивился. Как так, спрашиваю. А мать говорит:

– Предчувствие у меня в тот день было нехорошее. Помнишь, она тогда так, мимоходом ко мне заглянула. Посидели мы с ней, поболтали, чай попили, только беспокойно мне было. Непокойно и все. Безо всяких причин. И Ленка была здесь не причем. Я уж подумала, что, может, заболеваю. Или с тобой, не дай бог, что не так. А Ленка-то? Вон сидит напротив. Живая, здоровая, веселая. Что ей сделается? Посидели мы, посидели, и засобиралась она домой. А я пошла посуду мыть. И тут телефонный звонок. Мы-то с покойницей вроде уже и попрощались, она в дверях стоит, за ручку держится, а у меня как раз руки мокрые. Я ей и говорю: «Подойди к телефону». Ленка вернулась в комнату, а через некоторое время и я за ней. «Ну, что?» – говорю. «Да ничего, – отвечает. – Наверно, номером ошиблись. Помолчали в трубку и все». Я пошла домывать посуду, а она опять к двери, и снова та же самая история. Звонок и молчание. Ленка засмеялась, что это мне неизвестный, но очень застенчивый кавалер звонит. Ладно, пошутили. Я похихикала и пошла ее до лифта проводить. А ты помнишь, у нее бзик был – каждые пять минут причесываться. Стоим, ждем лифта, а Ленка по привычке за расческой в сумочку шасть, а там пусто. «Ой, – говорит, – забыла, наверно, щетку у тебя в ванной». Я, естественно, предлагаю ей вернуться, но она не захотела. «Нет. Теперь уже не пойду. Возвращаться – плохая примета. Дороги не будет. А дома у меня этих щеток с десятков». Так и поехала. А минут через пять слышу с улицы грохот, крики людей. Так Леночки и не стало. Я себя все виню. Надо было удержать ее. И звонки не зря были, и расческа эта.

Дух, разминая спину, поводит плечами.

– Я с сомнением выслушал мамин рассказ. В жизни ведь бывают всякие разные совпадения. Но мама настаивала. И в продолжение рассказала другую историю, про свою мать, мою бабу. Я ту очень хорошо помню. Она была веселым оптимистичным живчиком, несмотря на кучу поставленных ей диагнозов и целую аптечку таблеток, которые она должна была принимать и не принимала. Я сам видел, как она их выковыривает из коробочек и выбрасывает в мусор. А дочерям в доказательство соблюдения назначений демонстрировала пустеющие упаковки. Но многих вещей я о ней не знал. Оказывается, в молодости она тайком увлекалась спиритизмом, но не любила об этом рассказывать. Боялась неверия и насмешек. С мамой же она все-таки чем-то поделилась. Бабушка верила, что загробный мир существует. Более того, по ее словам, духи умерших нередко пытаются помочь живущим. Только их возможности очень ограничены.

Мы с интересом, но с большим сомнением слушали Духа. Это его не смутило.

– Вот и я так же смотрел на маму, когда она мне начала это рассказывать, хотя ее не волновало, верю я или нет. Я сказал ей тогда:

– Ты пытаешься меня убедить, что духи подстроили телефонные звонки и спрятали расческу, чтобы Лена задержалась и избежала аварии?

Мать не очень уверенно кивнула.

– Но ведь тогда концы с концами не сходятся. Я с такой же вероятностью могу утверждать, что они хотели обратного. Если бы тетя не потеряла у тебя несколько минут времени, то она, скорее всего, уехала бы другим лифтом, успела на предыдущий автобус и благополучно добралась домой живой и невредимой. И зря ты себя коришь.

Мама пожала плечами.

– Что бы ты сейчас не имел в виду, но твои слова, в сущности, не исключают того, что духи существуют. А действуют они с добрыми или злыми намерениями, это второстепенный вопрос.

Мама тогда тяжело вздохнула.

– Ты, Миша, учти, я тоже не склонна к мистике, но объясни мне тогда один факт. Это уже касается твоей спиритистки-бабки. Помнишь, у нее в комнате над кроватью на потолке был нарисован компас?

Еще бы не помнить. Это была диковинная странность в комнате, заполненной обычными вещами пожилого человека. Он был размером с тарелку, а стрелка у него была настоящая. Она была привинчена к потолку, ее концы традиционно раскрашены в синий и красный цвета севера и юга. Я не раз спрашивал, когда был ребенком, для чего он, но бабушка каждый раз загадочно отвечала: «Это – компас моей жизни». Я удивлялся и злился на этот ответ, а стрелка, как ей и полагалось, смотрела синим концом на север, а красным на юг.

Пока я молчал, вспоминая, мама терпеливо ждала, но когда увидела, что я что-то собираюсь спросить, заговорила сама.

– И тебя, видимо, интересовал вопрос, зачем нужен этот не подходящий к интерьеру предмет. А я знаю. Мама как-то проговорила. Мы однажды опять вспомнили о духах, и она сказала, что иногда с ними общается, хотя и не объяснила как. Я реагировала недоверчиво, а она вдруг и говорит:

– Хочешь узнать, для чего этот компас?

Она странно на меня поглядела, но потом все-таки решилась.

– Однажды, – сказала она, – я разговаривала с одним моим хорошим знакомым. Точнее, с его духом. И попросила его об одолжении. Я хотела знать, когда умру. Выяснилось, что духи могут не так уж много и способны предвидеть жизнь людей только на короткий срок. Но в просьбе дух не отказал. Для этого он и придумал эту стрелку. Так вот, если стрелка повернется на 180 градусов, значит, вскоре я умру.

С тех пор, по ее словам, мама, твоя бабушка, и жила с компасом над головой. В конце жизни она захворала, но почти всегда оставалась бодрой и оптимистичной. Я забыла эту историю и, как любую привычную вещь, перестала замечать этот компас. Но 17 июля 1994 года вечером она позвала меня. Ты знаешь, у нас в доме мы не ходили друг к другу пожелать спокойной ночи. Я решила, что маме, скорее всего, нужно что-нибудь принести. Мама уже лежала в постели. Безо всяких предисловий она задала мне странный вопрос, как будто это было самое главное, что должно меня интересовать: «Мы точно закончили с юридическими формальностями о моем домике, который я переписала на Мишу?» Я кивнула. А мама стала задавать мне какие-то сутяжнические вопросы о ее собственности, как будто она настоящий стряпчий. Я даже рассердилась, но, по мере возможности, ответила. Она успокоилась и неожиданно сделала то, чего не делала давно. Она обняла меня и поцеловала. Я была тронута, но не более того. Честно говоря, по телевизору в то время начинался сериал, который я хотела посмотреть, а потому была в некотором нетерпении. А ночью твоя бабушка умерла. Во сне. Не хочу вспоминать то, что я испытала, но одно помню отчетливо. Случайно я посмотрела на потолок. Синяя стрелка смотрела на юг. И до меня дошло, что мама-то еще вчера знала о близком приходе смерти, и те вопросы задавала, чтобы удостовериться, что ничего из ее небольшого наследства из семьи не уйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.